

ПИСЬМА

О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ

къ Н. И. Костомарову.

ПИСЬМО 5-е.

О Никольскомъ пирѣ Хмельницкаго.

Думалось повести рѣчь о той шляхетской повѣсти, какъ молодой Богданъ бѣжалъ на Запорожье изъ Бродъ, отъ меча *какого-то пана Потоцкаго*; а пришлось остановиться еще на той исторической были, какъ бѣжалъ на Запорожье изъ Чигирина старый Хмельницкій, когда надъ его головою повисъ мечъ короннаго гетмана *Николая Потоцкаго*. Въ нынѣшній день мнѣ вспомнюлся знаменитый *Никольскій пиръ*, заданный Богданомъ на утѣху Козацкой Украины, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ несчастливой битвы Кумейской. (Памятенъ былъ нынѣшній день и для Украины Княжеской, взятіемъ нашего первопрестольнаго Кіева Батыемъ). Хочу побесѣдовать съ вами сегодня о Никольскомъ пирѣ Богдана — и вотъ по какому поводу: въ вашей книгѣ онъ положенъ годомъ ранѣе, т. е. не 1647-го, а 1646-го, и не въ Чигиринѣ, а въ Сѣботовѣ; а я на такое назначеніе времени и мѣста не могу съ вами согласиться. Тамъ достопамятный пиръ устроенъ былъ для отобранія *штучнымъ способомъ* у Барабаша затаенныхъ имъ королевскихъ грамотъ; и какъ только онъ очутился въ рукахъ Хмельницкаго, ему нелзя было уже ни одного дня оставаться на Украинѣ, и онъ поскакалъ съ ними на Запорожье на разсвѣтъ 7 декабря, а прибылъ туда 11-го. И такъ между днемъ Никольскаго пира и днемъ прибытія Богдана на За-

порожье, прошло только 4 дня; а въ вашемъ повѣствованіи тѣ роковыя два дня раздвинуты на цѣлый годъ. Противъ этого я представлю вамъ слѣдующія соображенія и доводы.

1) Барабашъ, одураченный на весь свѣтъ Хмельницкимъ, не попустилъ бы ему оставаться цѣлый годъ на Украинѣ — съ такимъ опаснымъ орудіемъ, какимъ въ рукахъ его были тѣ королевскіе грамоты. При сдѣйствіи всѣхъ Польскихъ властей, да и самъ не безвластный тогда надъ Козаками, Барабашъ немедленно отобралъ бы тѣ грамоты у Хмельницкаго, не *штучнымъ способомъ*, а просто насиліемъ, съ какимъ Чаплинскій отнялъ у Богдана отцовское его наслѣдіе Сѣботовъ, и самого его обезчестилъ тюремнымъ заключеніемъ.

2) Самъ Хмельницкій, имѣя уже въ своихъ рукахъ вожделѣнную для него движущую силу на поднятіе Запорожья и Украины на Поляковъ, не могъ не поспѣшать къ достиженію своей цѣли; и не сталъ бы онъ бесполезно маяться цѣлый годъ на Украинѣ, отдаваясь на тѣ невыносимыя обиды и различныя приключенія, какія претерпѣлъ онъ — въ тотъ бѣдственный, *переломный* годъ своей жизни, рискуя столько разъ потерять ее ни за что, а черезъ то лишитъ и Украину спасительной помощи, какая была у него и въ немъ.

3) Вы говорите, что Хмельницкій приступилъ къ похищенію грамоты у Барабаша тогда, «когда узналъ о неудачномъ концѣ королевскаго предпріятія на сеймѣ, когда нахлынули на Украину жолнѣры, а Барабашъ, потакая панамъ, казилъ козаковъ смертію за малѣйшій ропотъ, для предупрежденія бѣльшихъ преступленій и заговоровъ, — тогда Хмельницкій понялъ, что изъ этого всего выйдетъ окончательная гибель Русскаго народа.» (I. 52).

Хорошо; но вы на все это даете только *десять* дней срока, назначая Никольскій пиръ на 6-е декабря 1646-го года: вѣдь тотъ Варшавскій сеймъ, на которомъ королевское предпріятіе рѣшилось такимъ неудачнымъ концомъ, только *начался 25-го ноябрю* того года (I. 48).

4) Относя Никольскій пиръ къ 1646 году, вы полагаете, что онъ данъ былъ въ *Сѣботовъ*; а послѣ, когда этотъ хуторъ отнять былъ Чаплинскимъ, Хмельницкій, «потерявъ пріютъ, жилъ гдѣ попалъ, и собирался на Запорожье (I. 77)». По этому представленію, вы говорите, что Хмельницкій, въ письмѣ изъ Запорожья къ комисару Шембергу, просилъ его «взять подъ свое покровительство домашнихъ слугъ и *какой-то домикъ его въ Украинѣ*.» (I. 83). Но въ письмѣ Хмельницкаго къ Барбашу, того же числа (27 декабря) писанномъ, ясно сказа-

но, что тотъ домикъ былъ въ *Чигиринѣ*; тамъ и жилъ нашъ Чигиринскій сотникъ, по отнятіи у него Сѹботова; въ томъ дому Барабашъ, унвившійся крѣпко на козацкомъ пирѣ, проснулся на другой день, когда хозяинъ скакалъ уже на Запорожье. Вотъ что писалъ онъ къ Барабашу: »Тѣшуся прето, же Господь Богъ, вѣдый тайная сердець людскихъ и всенародное Украинское стеваніе, удостоилъ мя по желанію моему слушнымъ способомъ зъ недишкретной неволи вашей вызволити и на вождельнну до Войска Запорожскаго свободу привезти оныя привилей королевскіе.... А я при семъ прошу вашей милости выбаченя, въ чомъ не выгодилиемъ ему въ убогомъ дому моемъ, въ Чигиринѣ, на праздникъ святителя Христова Николая, и жемъ отѣхалъ сюда на Запорожье безъ вѣдома и позволеня вашего.« (Величко. I. 33). Изъ этого насмѣшливаго извиненія ясно, мнѣ кажется, что Хмельницкій — и объ освобожденіи грамотъ, и объ угощеніи Барабаша въ своемъ Чигиринскомъ дому въ Николинъ день, и о своемъ отѣздѣ на Запорожье — говоритъ какъ о происшествіяхъ *недавнихъ*, т. е. случившихся въ *декабрь того же 1647* года.

6 декабря.

ПИСЬМО 6-е.

Повѣсть о побѣдѣ Хмельницкаго изъ Бродъ.

Обращаюсь къ происшествію, которымъ начинается лѣтопись Величка и которое онъ заимствовалъ »зъ повѣсти певной шляхты Польской.« Я сказалъ въ письмѣ къ Погодину, что этой повѣсти совѣмъ не слѣдовало бы принимать въ историческое повѣствованіе о Хмельницкомъ. Вы въ своемъ объясненіи не соглашаетесь со мною, и полагаете, что еслибъ къ той повѣсти не былъ примѣшанъ рассказъ о Кодацкомъ событіи, то мнѣ — »не пришло бы въ голову сомнѣваться въ ея достовѣрности.«

Много значить, изъ какого источника выходитъ извѣстіе. Ра зска зъ о Кодацкомъ событіи, составляющій главную завязку той повѣсти, переданъ въ ней съ такимъ лганьемъ, что и остальная половина ея становится отъ того весьма подозрительною. Легко сказать: знаменитый отвѣтъ Богдана Конецпольскому на Коданѣ 1639 года, перенесенъ въ повѣсти на молодость Хмельницкаго; вмѣсто Кодацкой крѣпости на Днѣпрѣ — поставленъ замокъ Бродскій; вмѣсто Конецпольскаго, Хмельниц-

кій отвѣчаетъ Потоцкому: »Ясневельможный мосце добродѣю! що рука людская сдѣлаеть, то тая жъ и зопсовати можетъ!« Должно быть потому явились и Броды съ своимъ крѣпкимъ замкомъ, что они принадлежали коронному гетману Конецпольскому, который тамъ и скончался, весною 1646 года.

Защищая остальную половину повѣсти, вы говорите: «правила исторической критики не требуютъ на томъ основаніи, что событіе представлено съ невѣрностями, отвергать его сущность, какъ скоро нѣтъ на это положительныхъ доказательствъ.»

Но я отвергаю остальную половину повѣсти не по одному только подозрѣнію, падающему на нее отъ первой половины; я отвергаю ее потому, что и въ той *сущности*, которую вы извлекли для своего повѣствованія, вижу такую же передѣлку событія дѣйствительнаго. Молодой Хмельницкій, предостереженный товарищами, бѣжитъ на Запорожье отъ *какого-то пана Потоцкаго*, который, напившись пьянъ за обѣдомъ, хотѣлъ отрубить ему голову, на потѣху своимъ собесѣдникамъ (I. 43). Я вижу ясно, что это не иной кто, какъ Николай Потоцкій, извѣстный своимъ пьянствомъ и распутствомъ, и своею охотою казнить Украинцевъ, показанною имъ послѣ войны Кумейской. Тотъ коронный гетманъ и хотѣлъ казнить Хмельницкаго въ исходѣ 1647 года, и уже далъ переяславскому полковнику Кречовскому приказъ взять его подъ крѣпкій арестъ и держать до дальнѣйшей резолюціи; но Кречовскій, по пріязни къ Хмельницкому, предостерегъ его, и тотъ бѣжалъ изъ Чигирина на Запорожье. Вотъ это происшествіе и перенесено на молодость Хмельницкаго—также точно, какъ и событіе Кодацкое, сплетенное съ нимъ въ одну повѣсть. Если бы и не было въ ней Кодацкаго событія, я и тогда усомнился бы въ ея достовѣрности — потому именно, что въ ней представленъ побѣгъ Хмельницкаго на Запорожье отъ меча Потоцкаго; — происшествіе столь же извѣстное, какъ и первое. Съ тѣмъ и другимъ *историческая критика* должна поступить одинаково; и я не отступилъ, кажется, отъ ея *правилъ*, признавая эту повѣсть баснословною въ обѣихъ ея половинахъ, отвергая равно и завязку и развязку. Какую же сущность можно извлечь изъ нея для біографіи Хмельницкаго, столь скудной извѣстіями о его молодости? Развѣ ту, что онъ служилъ *конюшимъ у какого-то пана*; если не у Потоцкаго, то хоть у Конецпольскаго. Но изъ такого мутнаго источника, какъ эта повѣсть, едва ли надежно взять и эту подробность для исторіи Богдана.

Въ сказаніяхъ, относящихся къ Хмельниччинѣ, современныхъ и

позднѣйшихъ, Польскихъ и Украинскихъ, есть не мало такого, съ чего вѣчего взять для повѣствованія *историческаго*. Вотъ, напримѣръ, хоть у того же Величка: какой живой рассказъ о томъ, какъ Чаплинскій взятъ былъ козаками изъ Чигирина, привезенъ къ Хмельницкому на Желтую-Воду, и тамъ обезглавленъ — въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ обозу Польскаго, «дабы врагъ не покою не лежалъ съ тѣми шляхетскими трунами, которые зъ его причины тамъ на Желтой-Водѣ свои отъ оружія козацкаго всебѣдственно положили головы». (I. 64). И все это — выдумка!

7 декабря.

ПИСЬМО 7-ое.

О Цецорскомъ плѣнѣ и Черноморскихъ походахъ Богдана Хмельницкаго.

Приступаю къ главному мѣсту вашего объясненія. Вы говорите: «Максимовичъ укоряетъ меня еще и за то, что говоря о плѣнѣ Хмельницкаго подъ Цецорою, я сказалъ, что онъ былъ въ плѣну *недолго*, вмѣсто того, чтобъ сказать опредѣлительно: *два года*. Вѣря положительно Стрку, что Хмельницкій именно въ 1621-мъ году одержалъ надъ Турками побѣду на морѣ, Максимовичъ увидѣлъ, что по этому разсчету нельзя пробыть Хмельницкому два года въ неволѣ, а самъ Хмельницкій говорить о своемъ двухлѣтнемъ плѣнѣ; Максимовичъ смѣло прибѣгаетъ къ догадкѣ, что Хмельницкій взятъ былъ въ плѣнъ прежде Цецорскаго дѣла и, какъ слѣдуетъ, свою догадку выставляетъ фактомъ не подлежащимъ сомнѣнію. — Но Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ слѣдствіе Цецорскаго сраженія, тотчасъ упомянувши о смерти своего отца на этой битвѣ. Что дѣлать съ такимъ разнорѣчіемъ? Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *недолго*, и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ поступилъ: въ приведенной выше рукописи ⁽¹⁾, подъ 1624 годомъ, я нашелъ извѣстіе, что козаки возвращались изъ морскаго похода, гдѣ нанесли Туркамъ ужасный вредъ около самаго Константинополя. Полагаю, что

(¹) Compendium rerum in Polonia gestarum a die Mart 1618 ad diem 18 Julii 1632 (Имп. Публ. Библ. кат. Польск. рукоп., отд. IV № 138.

морской походъ Хмельницкаго именно относится къ этому времени или ранѣе нѣсколько (въ 1624 г. козаки воротились, а воевать могли въ 1623), но не въ 1621 г., а въ письмѣ Сѣрка — просто ошибка, происшедшая можетъ быть отъ переписчика копии этого письма. Но предположеніе, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина; во всякомъ случаѣ, думаю, что есть больше основанія допустить послѣднее, чѣмъ то, которое предлагаетъ Максимовичъ.»

Вы имѣли полную власть отдать своему предположенію преимущество передъ моимъ и назвать его болѣе основательнымъ; но за чѣмъ было вамъ обо мнѣ говорить, будто я свою *догадку*, что Хмельницкій взятъ былъ въ плѣнъ *прежде Цецорскаго дѣла*, выставляю *фактомъ* не подлежащимъ сомнѣнію! Въ моемъ письмѣ къ Погодину, на 172 страницѣ Украинца, сказано такъ: «въ какіе именно года былъ онъ въ плѣну, объ этомъ нѣтъ современнаго свидѣтельства (вѣроятно, это было еще до 1620 года).» — Видите: *вѣроятно* — и только! Моя догадка предложена на утвержденіе или на отверженіе будущимъ историческимъ открытіямъ. Чего добраго: можетъ быть откроется, что Хмельницкій пробылъ два года въ неволѣ — спустя нѣсколько лѣтъ послѣ битвы Цецорской! А пока откроется что-либо новаго и опредѣленнаго объ этомъ предметѣ, я признаю *достовернымъ* и *положительнымъ* только то, что Хмельницкій самъ написалъ о себѣ — въ письмѣ къ королю, побѣжденному имъ подъ Зборовомъ: что онъ пробылъ въ плѣну *два года*; а *вѣроятнымъ* я нахожу, что это было еще до Цецорской битвы 1620 года, даже прежде, чѣмъ поступилъ Богданъ на службу въ Низовое Запорожское Войско. Но этой *смысловой догадки* моей никакъ не выдаю за *фактъ*, не подлежащій сомнѣнію.

Я вполне согласенъ съ вами, что «*предположеніе*, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина»; но не могу согласиться съ вами въ томъ, чтобы Черноморекая побѣда Хмельницкаго, означенная въ письмѣ Сѣрка 1621-мъ годомъ, означена была *ошибочно*. Я вполне вѣрю ему, что та побѣда была *именно 1621 г.* Да вы и сами вѣрили Сѣрку, когда въ своей книгѣ о Хмельницкомъ принимали эту побѣду и называли ее *блистательною* (I, 44): это ясно видно по вашимъ ссылкамъ на тѣ страницы Величка (II, 381) и Симонювскаго (7), на которыхъ находится письмо Сѣрково. Что же васъ разувѣрило, заставило отрицать 1621-й годъ и называть его въ письмѣ Сѣрка — *просто ошибкою*? Не ужели то, что вы въ помянутомъ рукописномъ *Компендіумѣ* нашли подъ 1624-мъ годомъ «извѣстіе, что ко-

заки возвращались изъ морскаго похода, гдѣ нанесли Туркамъ ужасный вредъ около самого Константинополя?» Не ужели только эта находка дала вамъ увѣренность, съ какою вы говорите: »Полагаю, что морской походъ Хмельницкаго *именно* относится къ этому времени, или нѣсколько ранѣе (въ 1624 году козаки воротились, а воевать могли въ 1623-мъ), но не въ 1621-мъ?» Другихъ основаній въ объявленіи не представлено. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ основательно ваше новое *предположеніе*.

1) Начать съ того, что вы нашли извѣстіе о такомъ морскомъ походѣ козаковъ, о которомъ давно извѣстно *положительно*, что онъ былъ *именно* 1624 года. Я сошлюсь въ этомъ хоть на примѣчанія Устрялова, приложенныя къ его переводу Бопланова Описанія Украины; тамъ на 138 страницѣ сказано: »въ 1624 году, пользуясь отплытіемъ Турецкаго флота къ Крыму, козаки пристали въ милѣ отъ Константинополя, опустошили загородные дома и мызы....« и т. д. И такъ ваше предположеніе о возможности этого похода въ 1623-мъ году оказывается лишнимъ и неоправданнымъ. Напрасное оно и въ томъ отношеніи, что заставляетъ Запорожцевъ зимовать въ морскомъ походѣ, тогда какъ они свои Черноморскіе походы совершали обыкновенно въ одно лѣто, и къ зимѣ возвращались въ Запорожье.

2) Вы полагаете, что морской походъ Хмельницкаго *именно* относится къ этому времени, но не къ 1621-му году. Но развѣ нашли вы въ Компендіумѣ, что Хмельницкій былъ въ походѣ 1624 года? Кажется, ни откуда еще не видно, чтобы онъ въ немъ участвовалъ. И такъ ваше утвержденіе не имѣетъ достаточнаго основанія.

3) Но если бы и нашлось современное извѣстіе, что Хмельницкій дѣйствительно былъ съ морскомъ походѣ 1624 года, — это была бы новая прибавка къ его Запорожескимъ подвигамъ; а первая побѣда его надъ Турками 1621 года остается все въ той же нерушимой силѣ, какъ она поставлена въ письмѣ кошеваго атамана Сѣрка, передъ морскимъ походомъ 1629 года.

4) Вы отрицаете теперь побѣду 1621 года, называя ее въ письмѣ Сѣрка *ошибкою*... Ошибки въ годахъ встрѣчаются безпрестанно въ старомъ и новомъ лѣтописаніи Малороссійскомъ. Но — развѣ ошибся и Самуиль Зорка въ своей надгробной рѣчи Богдану, когда, вспоминая о его военныхъ громахъ, отъ которыхъ потрясались ясновѣтная Сарматія, и берега бурнаго Эвксимопонта, и самыя стѣны Царегородскія, сказалъ: »особливе року 1621 (Вел. I. 291)?« Развѣ ошлябился и гет-

манъ Сагайдачный и король Жигимонтъ III-й, когда въ королевской грамотѣ, данной гетману послѣ Хотинской войны, отъ 12 января 1622 года, сказано такъ: »Посылаемъ изъ нашей казны королевской чрезъ придворнаго подскарбія 400,000 битыхъ талеровъ, которые должны быть раздѣлены поровну и розданы 50-ти тысячамъ всей войсковой черни, какъ тѣмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся на военномъ промыслѣ съ *Хмельницкими* на пунктѣ Эвксинскомъ.« (Вел. I. приб. 41) А вотъ и самая первая вѣсть о той козацкой побѣдѣ на Черномъ морѣ, записанная въ Дневникѣ Хотинской войны такъ называемаго Матвѣя Титлевскаго. «*6 сентября.* — Избѣжа отъ обозовъ Турецкихъ козакъ нѣкій, который семь лѣтъ въ Сарацинской пребывалъ неволѣ.... Онъ же козакъ и се возвѣщае, что во обозѣ своемъ Турки проговору ютъ: дванадесать суденъ, узброенныхъ арматою на морѣ Евксинскомъ козаки емши потопиша, избывшіи же въ Константинополь убѣжаша, ихъ же даже до самыхъ стѣнъ града козаки гоняще, всѣхъ Цареградцовъ устрашиша; сея новины перваго провозвѣстителя гнѣвомъ неистовящійся Отоманинъ повелѣлъ удавити; въ день же грядущій заповѣда ко обозу Поляковъ сильное готовити приступленіе. Тое жъ самое и Турки многіи, на стражѣ ятии, единодушнымъ согласіемъ глаголюще, утверждаху,« (Вел. I. приб. 41).

Приведенныя три свидѣтельства (за которыя съ благодарностью вспомняемъ Величка!) подтверждаютъ показаніе Сѣрка о 1621 годѣ. Вамъ надо опровергнуть всѣхъ ихъ четырехъ свидѣтелей и пятого Твардовскаго; а безъ того ваше отрицаніе не будетъ имѣть достаточнаго основанія.

Изъ всего сказаннаго видно, почему эту Черноморскую побѣду Хмельницкаго я признаю такимъ же *достовернымъ* фактомъ, какъ и *двухлѣтній* срокъ его плѣна. А какъ только я призналъ эти два историческіе факта, для меня стало яснымъ, что начало Богданова плѣна напрасно полагается съ битвы Цецорской: она была въ октябрѣ 1620 года, слѣдовательно, только за *девять* мѣсяцевъ до побѣды Черноморской, этой *блистательной* спутницы войны Хотинской.

Вы говорите о себѣ: »Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *не дого* и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ поступилъ.« Не вижу, чѣмъ же тутъ быть довольнымъ, и на что вамъ нужно теперь это неопредѣленное *не дого*, вмѣсто опредѣленнаго самимъ Богданомъ: *два года!* Иное дѣло въ вашей книгѣ, гдѣ вы принимали и Цецорскій плѣнъ, и Черноморскую побѣду

1621 года: тогда вамъ необходимо было прибѣгнуть къ сокращенію двухлѣтняго плѣна, ибо другаго выхода вамъ не было. А теперь, когда вы переставили Черноморскую побѣду на три года впередъ (какъ нѣкогда Ригельманъ переставлялъ ее за три года назадъ, на 1618-й) — ничто не мѣшаетъ Хмельницкому выдержать *двухлѣтній* срокъ своего плѣна. Избѣгая произвольныхъ догадокъ, вы вдались въ произвольное измѣненіе двухъ историческихъ фактовъ, которые должны оставаться нерушимыми.

Въ *Украинцѣ*, я обратилъ вниманіе на письмо Хмельницкаго къ королю, 1649 года, — и пояснилъ, какимъ образомъ изъ этого письма произошло мнѣніе о Цецорскомъ плѣнѣ. Вы говорите въ возраженіе мнѣ: »Но Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ *слѣдствіе* Цецорскаго сраженія, тотчасъ упомянувши о смерти своего отца на этой битвѣ.« Нѣтъ, это слѣдствіе выведено уже Польскимъ историкомъ, не знавшимъ или не признававшимъ за Богданомъ Черноморской побѣды 1621 года. Въ письмѣ своемъ Богданъ говоритъ сперва о службѣ своего отца и его смерти подъ Цецорою; а вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о себѣ, начавъ съ своего плѣна, по освобожденіи изъ котораго поступилъ онъ въ войсковую службу; его рѣчь о своемъ плѣнѣ пришла къ упоминанію о Цецорѣ, относящейся къ отцу: отъ того и кажется, что плѣнъ происходилъ подъ Цецорою. Но когда признаешь Черноморскую побѣду, тогда видишь, что здѣсь Цецорскій плѣнъ только кажущійся. Во всякомъ случаѣ, это такое мѣсто въ письмѣ Хмельницкаго, которое допускаетъ различное толкованіе. Но тѣ слова его письма, что онъ »уведенный въ плѣнъ, содержался въ тюрьмѣ *два года*« — не подлежатъ никакому толкованію и разногласію: это чистый, ясный фактъ, который и слѣдуетъ принять изъ его письма прежде всего, и оставить нерушимымъ. Мнѣніе о Цецорскомъ плѣнѣ есть ошибочное заключеніе изъ Богданова письма, сдѣланное Коховскимъ. По крайней мѣрѣ для нашего лѣтописанія онъ есть первый источникъ Цецорскаго плѣна, которымъ у него позаимствовался Грабянка для своей исторіи; а изъ нея это свѣдѣніе перешло и во Введеніе, придѣланное неизвѣстнымъ компиляторомъ къ лѣтописи Самовидца. За то же у нихъ нѣтъ и помину о Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго (то же у Бантыша-Каменскаго, и у того, кто написалъ *старыми словесы* повѣсть »О томъ, что случилось на Украинѣ«, которые прибавили еще и подробности, какъ молодой Богданъ въ Цецорской битвѣ показалъ *первыя опыты* своей храбрости, воровался далеко въ непріятельскій станъ, и прочая). Такъ смотрю я на происхожденіе и распространеніе мнѣнія о Цецорскомъ плѣнѣ; я отвер-

гаю его, какъ историческій призракъ подобный, разнымъ другимъ призракамъ, которыми достаточно населена исторія Козацкой Украины и представители ея Богдана Хмельницкаго. Когда идетъ розыскъ о его жизни, для насъ важны свидѣтельства современные, осмотрѣнные и оправданныя критикою. Къ числу ихъ принадлежитъ отрывокъ изъ писъ-ма Запорожца Сѣрка. Прочтемъ же слова этого «витязя сильнаго» — о двухъ Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго.

«По немъ, року 1621, тожъ предъ гетманствомъ своимъ, Богданъ Хмельницкій, на морю Черномъ воюючи въ своихъ моносилахъ, многіе корабли и катарги Турецкіе опановалъ и благополучно до Сѣчи повернулъ; потомъ року 1629 братья наши Запорожцы съ певнымъ вождемъ своимъ, воюючи въ чолнахъ по Евксинопонту, коснулися мужественно и самыхъ стѣнъ Константинопольскихъ, и оныя довольно мушкетнымъ оку-ривши дымомъ, превеликій султанови и всѣмъ мешканцемъ Цариградскимъ сотворили страхъ и смятеніе, и нѣкоторые одлеглѣйшіе селенія Константинопольскіе запаливши, тожъ щастливе изъ многими здобычами до Коша своего повернули.»

Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя подробности и самыя выраже-нія Сѣрка—*превеликій страхъ и смятеніе*, относящіяся ко второму походу Хмельницкаго, были отнесены у Величка къ первому походу; а самый походъ 1629 года ни у Величка, ни у послѣдующихъ историковъ не былъ отнесенъ къ подвигамъ Хмельницкаго. Не знаю, согласны ли вы съ моимъ мнѣніемъ, что у Сѣрка подъ именемъ *певнаго вождя* разумѣется Богданъ Хмельницкій, названный при первомъ походѣ. А если онъ былъ побѣдоноснымъ вождемъ Запорожцевъ уже въ 1621 году, то нельзя не предположить, что въ Запорожское товарищество онъ поступилъ за нѣсколько лѣтъ до битвы Цецорской.

12 декабря.

ПИСЬМО 8-ое

О плѣненіи двухъ Кантемиричей, 1629 года.

Къ историческимъ призракамъ я отношу и плѣненіе двухъ Кантеми-ровыхъ сыновъ 1629 года, будто-бы Богданомъ Хмельницкимъ. Хотя этотъ подвигъ и утвержденъ за нимъ большинствомъ Малороссійскихъ бытописателей; но въ Украинцѣ моемъ я передалъ этотъ подвигъ по

принадлежности *Стефану Хмелецкому*, ссылаясь на два современных о томъ свидетельства и объясняя ошибку нашего историка Грабянки *созвучіемъ* двухъ именъ. Вы, въ своемъ объясненіи, не соглашаетесь со мною и защищаете принятое вами мнѣніе, какъ сказаніе козака Самовидца »близкаго къ этому времени и, вѣроятно, видѣвшаго самаго Хмельницкаго: едва ли бы этотъ лѣтописецъ могъ обмануться созвучіемъ именъ.«

Козакъ-Самовидецъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ Хмельницкаго, напри-
мѣръ, на похоронахъ Золотаренка въ Корсунской Рождественской церк-
ви. Но сказаніе о поимкѣ Кантемиричей находится не въ самой лѣтопи-
си Самовидца, а во Введеніи къ ней, котораго я не признаю уважитель-
нымъ, ибо нахожу, что оно есть позднѣйшая выборка изъ исторіи Гра-
бянкиной, написанной спустя полвѣка по смерти Богдана. Во Введеніи
сказано: »Року 1629, Зѣновій Михайловъ сынъ Хмельницкій, при дру-
гихъ вѣрныхъ службахъ своихъ въ королевствѣ Полесомъ, двоихъ Кан-
тимировъ живо до короля привелъ, за что имѣлъ у короля особливую
милость, ибо изъ природы былъ разуменъ и по латынѣ изученъ« (стр.
4). Это отголосокъ Грабянкина сказанія: »ходячи въ чамбулы, орду би-
валъ и языковъ до кроля привождалъ, а въ року 1629 двоихъ Кантимѣ-
ровъ живо до кроля привелъ (отъ которыхъ король много о тайныхъ за-
мыслахъ Турецкихъ на Ляховъ извѣстился), чрезъ что мѣвалъ у кроля
милость великую, бо былъ съ природы разуменъ и въ наукѣ языка Ла-
тинскаго бѣглый« (стр. 33). Посмотримъ теперь, какъ это происшествіе
передано въ Лѣтописцѣ Ерлича, современнаго Богдану Хмельницкому.
Тамъ сказано, что *Стефанъ Хмелецкій*, разбившій орду одинъ разъ
подъ Тарнополемъ, въ другой разъ (въ 1626 году) подъ Бѣлою-Церковью,
въ 1629 году онъ, омѣстѣ съ козацкимъ гетманомъ Гришкомъ Чернымъ,
разбилъ 8,000 татаръ подъ Бурштиномъ, и Кантемировыхъ сыновъ од-
ного убито, а другаго, живьемъ взятаго, королю отдали (I, 36). Тутъ дѣй-
ствуетъ *Хмелецкій* (какъ и по другому свидетельству участника въ томъ
походѣ, которое напечатано въ Старожитностяхъ А. Грабовскаго); а у
Грабянки — тутъ дѣйствуетъ *Хмельницкій*. . . . Какъ же не признать, что
это не иное это, какъ ошибочная замѣна перваго имени вторымъ? А какъ
легко было случиться этой замѣнѣ, можно видѣть на той же 36-й стра-
ницѣ Ерлича, гдѣ поставлено одинъ разъ *Chmielecki*, а потомъ *Chmiel-
nicki*! Такая описка и могла ввести въ заблужденіе нашего не слишкомъ
осмотрительнаго историка Грабянку, и онъ принялъ подвиги *Хмелецка-*
го за подвиги *Хмельницкаго*, измѣнивъ по-своему и подробности, т. е.

вмѣсто названныхъ опредѣлительно двухъ предыдущихъ побѣдъ надъ Татарами, Тарнопольской и Бѣлоцерковской, сказалъ общимъ выраженіемъ: орду биваль.... вмѣсто одного живаго, а другаго убитаго Кантемирича, привелъ къ королю обоихъ живыхъ.... Въ моемъ первомъ письмѣ къ вамъ я представилъ, какъ историкъ нашъ Грабянка передѣлалъ по-своему сказаніе о Кодацкомъ событіи, взятое имъ очевидно у Коховскаго; а составитель Введенія къ лѣтописи Самовидца взялъ изъ Грабянки голую сущность этого сказанія, отбросивъ всю художественную обстановку.

Вы говорите: «Если въ лѣтописи Ерлича говорится объ участіи въ этой битвѣ Гришки Чернаго, то это развѣ исключаетъ Хмельницкаго?» Непремѣнно исключаетъ, когда мы видимъ ясно, что имя *Хмельницкаго* поставлено здѣсь только по ошибкѣ, вмѣсто имени *Хмелецкаго*, героя той битвы. Вы спрашиваете: «почему же съ этими козаками не могъ быть именно Хмельницкій?» Отвѣчаю: когда мы видимъ ясно, что имя *Хмельницкаго* замѣшалось сюда только случайною ошибкою нашего историка, когда есть уже передъ нами *дѣйствительность* о Хмелецкомъ, то не слѣдуетъ и предполагать здѣсь *возможности* о Хмельницкомъ. Вѣдь это то же, что походъ, бывшій 1624 года, могъ быть 1623-го. Кромѣ того, Хмельницкій всема могъ не участвовать въ походѣ Хмелецкаго, потому что онъ ходилъ тогда съ Запорожцами на море подъ Константинополь и задалъ тамъ *превеликій страхъ и смятеніе* — слова Сѣрка, которыя и въ вашей книгѣ отнесены къ Хмельницкому (I, 44), но съ перемѣщеніемъ ихъ отъ похода 1629 года на походъ 1621 г.

Вы отыскали въ Компендіумѣ, что «въ 1629 году 6 ноября козаки Запорожскіе отправляли предъ королемъ посольство и привели множество плѣнныхъ Татаръ; а 11 ноября являлся къ королю Хмелецкій.» Что же? эта отысканная вами подробность служить только дополненіемъ къ сказанію двухъ современниковъ о побѣдѣ Хмелецкаго, и ни сколько не относится къ Хмельницкому.

Изъ всего вмѣстѣ, для васъ — «кажется *достовернымъ*, что съ козаками, бывшими у короля 6 ноября 1629 года и представлявшими ему плѣнныхъ, находился Хмельницкій.» Но я и въ этомъ не вижу *достоверности*: она была бы тогда, когда бы въ Компендіумѣ поименованъ былъ *Богданъ Хмельницкій*. (Было нѣсколько *Хмельницкихъ* и въ гетманство Богдана.)

Изъ всего сказаннаго, для меня остается *достовернымъ*, что побѣда надъ Татарами и Кантемиричами 1629 года вовсе не относится къ

Хмельницкому; она принадлежит *Хмелецкому* и тогдашнему его сподвижнику гетману *Черному*; а вмѣсто поимки Кантемиричей и представления ихъ обоихъ живыми королю, будто бы *Хмельницкимъ*, справедливѣе вспомнать тотъ случай, что въ 1646 году онъ отвезъ двухъ плѣнныхъ Татаръ кастеляну Краковскому (какъ это извѣстно изъ Памятниковъ, изданныхъ Кіевскою Комиссіею).

15 декабря.

Въ исторіи Грабянкиной, послѣ разсмотрѣнныхъ нами словъ о Кантемиричахъ, слѣдуетъ еще такое свѣдѣніе о Хмельницкомъ: »Изваживши кроль его разумъ, допустилъ себѣ за совѣтника, ибо когда умыслилъ мстити на Турчину за перешкожаную войну Московскую, будущую въ року 1635 (т. е. 1634) подъ Смоленскомъ, то мимо своихъ сенаторовъ зъ нимъ радился, и великій regimentъ морской всей арматы ему вручалъ.« Вотъ новая задача; но рѣшить ее не умѣю.

ПИСЬМО 9-ое.

О Введеніи къ Лѣтописи Самовидца.

Вы ссылаетесь на это Введеніе, какъ на свидѣтельство *самаго Самовидца*, современнаго Хмельницкому; а по моему мнѣнію оно составлено *къмъ-то другимъ*, должно быть тѣмъ же, кто написалъ продолженіе Лѣтописи Самовидца до 1734 года. По этому разногласію, я считаю необходимымъ дѣломъ объяснить: на чемъ основано мое мнѣніе. Оно основано преимущественно на очевидномъ сходствѣ Введенія, отъ начала и до конца, съ Исторіей Грабянкиной, такъ что это Введеніе представляется мнѣ выборкою изъ Грабянкиной Исторіи, сочиненной около 1710 года. Предположить бы наоборотъ, т. е. что козакъ-самовидецъ прибавилъ впоследствии къ своему *Лѣтописцу* краткое историческое *Введеніе*, а Грабянка распространилъ и пополнилъ его для своей книги. Но этого я не могу признать и допустить, находя въ Введеніи и у Грабянки такія подробности, какихъ не могу предположить въ писаніи Задѣйпровскаго козака, современнаго Хмельницкому. Тотъ »*Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго*« обличаетъ въ своемъ сочинителѣ козака грамотнаго, бывалаго и разумнаго, но не книжнаго, писавшаго

по живому устному преданію, какое ходило въ козачествѣ о событіяхъ того времени. Ему ли было на старости вдаваться въ составленіе историческаго Введенія — отъ стараго Владиміра до современнаго Богдана! А Гадяккій полковой старшина, *Григорій Ивановичъ Грабянка*, былъ человѣкъ ученый и книжный, знакомый съ Малороссійскимъ и Польскимъ лѣтописаньемъ. Сочиняя въ молодые свои годы »*Исторію о дѣйствіяхъ пре зѣльной брани*«, — онъ не только поработалъ надъ исторіей козацкаго гетманства, но предпослалъ еще главу »о началѣ проименованія козаковъ, отъ коего рода и племени, купно же и о древнѣйшихъ ихъ дѣйствіяхъ сокращеніѣ.« За тѣмъ слѣдуетъ у него сказаніе: »какъ Малая Рос сія подпаде Лядскому игу«, начинающееся одушевленнымъ вопросомъ: »Откуда раздѣленіе царствъ и домовъ паденіе?«

1) Съ этого сказанія позднѣйшій составитель Введенія и началъ свою выборку — отъ завладѣнія Кіевской земли *Гедимолъ* (т. е. Гедиминомъ) и до Желтоводской битвы, о которой у Грабянки сказано: »что ся стало року 1648 мая 2«; а во Введеніи: »что стало ся въ року 1648, мая 2 дня.« Могъ ли это написать козакъ-самовидецъ? Нѣтъ, у современныхъ людей, пишущихъ по живой памяти, не рѣко случаются ошибки въ годахъ, но числа мѣсяцевъ и дни происшествій замѣчательныхъ по большей части сохраняются вѣрно. Возможно ли, чтобы козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, не зналъ, что Желтоводская побѣда была во вторникъ 8 мая, а Корсунская въ среду 16 мая? Онъ могъ совѣсть не означить дней и чиселъ этихъ двухъ блистательныхъ побѣдъ, какъ они и дѣйствительно не означены въ его Лѣтописцѣ; но ужъ никакъ не могъ онъ здѣсь поставить 2 мая вмѣсто 8-го. Это ошибка или описка Грабянкина, которую скопировалъ позднѣйшій составитель Введенія, повторившій и другія ошибки своего подлинника.

2) Такъ въ самомъ началѣ Введенія сказано, что со времени Гедимины, поставившаго въ Кіевскомъ княжествѣ намѣстника Миндовга, князя Ольшанскаго, — »Литва обладала Кіевомъ ажъ до смерти князя Симеона Олелковича, который церковь Печерскую, чрезъ 230 лѣтъ по Батии пустовавшую, обновилъ. Въ 1340 году, по смерти князя Олелковича, король Польскій Казиміръ I княженіе Кіевское на воеводство перемѣнилъ и всю Малую Россію на повѣты роздѣлилъ.« Это взято почти слово въ слово изъ Грабянки, который написалъ эту путаницу, не давши себѣ труда повѣрить и того, что чрезъ 260 лѣтъ по раззореніи Кіева Батыемъ въ 1240 году выйдетъ 1471-й годъ, въ которомъ дѣйствительно скончался обновитель Печерской церкви, Кіевскій князь Си-

мсынъ Олельновичъ; а по смерти его, въ слѣдующемъ году, Казиміръ Ягелловичъ обратилъ Кіевское княжество въ воеводство. Нашъ историкъ торопливо приставилъ сюда Казиміра Владиславича съ 1340 годомъ, въ которомъ этотъ король завладѣлъ Галицкимъ княжествомъ и обратилъ его, какъ полагаютъ, въ воеводство, называвшееся до послѣднихъ временъ воеводствомъ *Русскимъ*. Такимъ смѣшеніемъ двухъ разновременныхъ Казиміровъ, и двухъ воеводствъ *Русскаго* и *Кіевского*, не смотря и на приведенныя 230 лѣтъ послѣ Батые, Кіевское княжество — у Грабянки, а за нимъ и во Введеніи, и еще въ нѣкоторыхъ писаніяхъ прошлаго столѣтія — обращается въ воеводство 1340 года, т.е. 130-ю годами ранѣе, чѣмъ было. Но у Малороссійскихъ писателей XVII вѣка оно полагалось вѣрно, 1471 года. Не знаю, почему въ вашей книгѣ оно положено 1476-ю (I. 4). Не опечатка ли это?

3) Грабянка въ своей исторіи, помѣщая любопытную *«Суплику* до всей Речи-Посполитой Полской отъ утѣшеннаго Ляхами народа Русскаго, поданную въ року 1632», — вспоминаетъ при этомъ, что *«и прежде* отъ всей Руси много челобитныхъ подавалось до королей Полскихъ, и князь Острозскій Константинъ Ивановичъ (нынѣ въ Печерскомъ зъ каменя выбитый лежащій), будучи самъ Греческаго закона, до всего сенату за творимыя Руси обиды супликовалъ» (стр. 34). Здѣсь ошибка Грабянкина состояла въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду заступничество за Русь князя Константина Константиновича Острожскаго, скончавшагося 1608 года и положеннаго въ соборной церкви Острожской; а назвалъ отца его, князя Константина Ивановича, погребеннаго въ церкви Печерской, 1533 года. Составитель Введенія взялъ этотъ отрывокъ изъ Грабянки и помѣстилъ его вслѣдъ за извѣстіемъ о кончинѣ гетмана Сагайдачнаго въ 1622 году, въ такихъ словахъ: *«Около сихъ годовъ (!) князь Острозскій Константинъ Ивановичъ, котораго статуя въ Печерскомъ монастырѣ имѣется мраморная, за общенародныя обиды Русскія супликовалъ до всего Сенату.»* (стр. 4). Тутъ въ составитель Введенія обличается компиляторъ, совсѣмъ отличный и отъ козака-Самовидца, и отъ Грабянки.

4) Къ ошибкамъ Грабянкиной исторіи, перешедшимъ во Введеніе, я отнесъ уже — и Цецорскій плѣнъ Богдана, и поимку двухъ живыхъ Кантемиричей. Назову еще одну: это постановка въ гетманы Тараса и его Переясловщины — подъ 1628-й годъ. Ошибка эта тоже повторялась не одинъ разъ въ послѣдующемъ Малороссійскомъ бытописаніи, до вашей книги включительно (I. 29). Но Тарасъ былъ гетманомъ послѣ Гришки и Чернаго, слѣдовательно, послѣ 1629 г. Современный Львовскій

лѣтописецъ описалъ Тарасову войну подъ 1630-мъ годомъ, который подтверждается и другими современными свидѣтельствами, напримѣръ, *Тературниною* Ав. Кальнофойскаго, гдѣ описано чудесное событіе той войны, при осадѣ Печерской лавры Поляками и Пѣмцами. (Объ этомъ записано и въ Лѣтописи Львовской). Гетманство Тараса означено 1630 годомъ и въ томъ скудномъ списочкѣ гетмановъ, который составленъ Велпчкомъ (I. 24).

5) Этотъ списочекъ можетъ служить свидѣтельствомъ, какъ бѣдно было у насъ въ Малороссіи, въ началѣ прошлаго столѣтія, познаніе о козацкихъ Гетманахъ, бывшихъ до Хмельницкаго. — Но какая разница между Величковымъ списочкомъ и тѣмъ, что за десять лѣтъ до него собралъ и написалъ Грабянка! А во Введеніи прибавлено еще два гетмана: *Семень Перевязка* 1632 г. и *Булюкъ*, 1640 г. Предположить ли, что они поставлены были во Введеніи козакомъ-самовидцемъ, да Грабянка не захотѣлъ принять ихъ въ свою исторію? Но развѣ могъ козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, написать слѣдующее:

»1640 року былъ еще гетманъ козацкій *Булюкъ*, на которомъ Ляхи гетманство Запорожское окончивши, наслали козакамъ вмѣсто гетмана комисаровъ и вождовъ своя Лядскія державы, породы и вѣры...« и прочая (стр. 5)?

Нѣтъ, современникъ Хмельницкаго не могъ не знать, что козацкое гетманство было прекращено послѣ войны Острияницинской, что въ концѣ того 1638 года поставлены были надъ козачествомъ — комисаръ и полковники Польскіе. Это хорошо знали и Грабянка, и Величко. У Грабянки сказано, что послѣ Острияницинской войны — «поставыша надъ козаками реестровыми полковниковъ, сотниковъ и всю старшину Лядскія вѣры» (стр. 30). Тутъ нашъ историкъ перехватилъ немного, добавкою «сотниковъ и всей старшины»; но сущность дѣла въ томъ, что составитель Введенія выключилъ это мѣсто изъ сказанія Грабянки о жестокихъ послѣдствіяхъ Острияницинской войны, и отнесъ къ прекращенію гетманства на *Булюкъ*, 1640 года.

Кстати: въ лѣтописцѣ Ерлича подъ 1630 годомъ поставлено: »W tymże roku znowu kozacy wojnę podnieśli, którzy pociechi nie otrzymali, którym dano szlachtę za pułkowniki, a za hetmana kommiszarza. Postanowiono aby 6,000 na usługę Rzeczy Psłtėj było« (I. 38). Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о войнѣ Острияницинской, и что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто; ему слѣдуетъ быть въ концѣ 1638 года (I. 43), передъ кото-

рымъ говорится о войнѣ Павлюковой; но годъ этой войны тамъ ошибочно означенъ 1636, вмѣсто 1637-го.

Что за гетманъ *Булюкъ*? По моему мнѣнію, это нашъ завзятый *Павлюкъ* (или Павелъ Михновичъ Буть), въ смутномъ представленіи Пуфендорфа явившійся гетманомъ *Балукомъ*. Величко первый у насъ воспользовался этимъ *Балукомъ* изъ Пуфендорфовой исторіи, напечатанной въ Русскомъ переводѣ 1718 года, и включилъ его въ свой списокъ гетмановъ, въ замѣнъ недостающаго тамъ *Павлюка*, но поставилъ ошибочно между Тарасомъ и Сулимою, означивъ годъ его гетманства: 1631 или 1637. Вскорѣ послѣ Величковой Лѣтописи, напри- мѣръ, въ томъ «Собраніи Гетмановъ» которое прилагается въ исторіи Грабянкиной, является *Булюкъ* подъ 1640 годомъ, но съ удержаніемъ и *Павлюка* подъ 1637-мъ, а Семена Перевязки еще нѣтъ; во Введеніи являются уже и *Перевязка* 1632 г., и *Павлюкъ* 1637 г. и *Булюкъ* 1640 г., что повторяется и во многихъ послѣдующихъ писаніяхъ Малороссійскихъ. Кажется мнѣ, что эта прибавка можетъ служить примѣтою о составленіи Введенія — не ранѣе, какъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

6) Первые козацкіе гетманы у Грабянки означены въ такомъ порядкѣ: 1) Предславъ Ланцкоронскій съ 1506 г. 2) Венжикъ Хмельницкій — 1534 г. (1) 3) Князь Дмитрій Вишневецкій. 4) Князь Евстафій Ружинскій. 5) Свѣрловскій, 1574 г. 6) Богданко, 1575 г.

Этотъ порядокъ вѣренъ, и за него мы съ благодарностью вспомянемъ о Грабянкѣ. Но во второй четверти прошлаго столѣтія кто-то измѣнилъ этотъ порядокъ — напрасною перестановкою *Вишневецкаго* и *Ружинскаго* передъ Венжика Хмельницкаго, т. е. изъ второй половины XVII столѣтія въ первую (2). Въ такомъ безпорядкѣ первые козацкіе гетманы находятся въ помянутомъ «Собраніи гетмановъ» и остаются почти во всемъ дальнѣйшемъ Малороссійскомъ бытописаніи прошлаго столѣтія — въ лѣтописцѣ Рубановомъ, у Конискаго, Шафонскаго, Ригельмана, и во всѣхъ спискахъ гетмановъ, какіе составлялись въ Малороссіи въ довольно- номъ числѣ, на послѣдяхъ и на концѣ гетманства. Вотъ эта постановка князей Дмитрія Вишневецкаго и Евстафія Ружинскаго передъ Венжика

(1) Въ Кіевскомъ изданіи ошибочно напечатанъ 1514 вм. 1534.

(2) Подобныя перестановки гетмановъ дѣлались у насъ и во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Такъ *Иванъ Петрижицкій*, бывшій гетманомъ въ 1632 году (какъ извѣстно по его универсаламъ) — у Ригельмана и въ Хронологіи гетмановъ переставленъ за полвѣка назадъ, передъ гетмана Шаха!

Хмельницкаго, т. е. до 1534 года, находямая и во Введеніи къ Лѣтописи Самовидца, служитъ мнѣ новымъ показателемъ, что оно составлено въ *тридцатыхъ* годахъ прошлаго столѣтія, когда прибавлено къ этой лѣтописи и продолженіе до 1734 года.

Приведенныхъ мною доказательствъ, кажется, достаточно для поясненія и оправданія моего мнѣнія.

17 декабря.

ПИСЬМО 10-е.

О похищеніи королевской грамоты у Барабаша.

Въ дополненіе къ предыдущему письму, надо мнѣ разобратъ еще особенный случай, который представляетъ рѣзкое различіе между Введеніемъ и самою Лѣтописью Самовидца, по которому было разногласіе и у меня съ вами: это — похищеніе Хмельницкимъ королевскихъ грамотъ у Барабаша. Во Введеніи сказано: «...какій королевскій листъ Зѣновій, да онъ же и Богданъ, Хмельницкій досталъ фортелно у Барабаша, во время (крестинъ) дитины его воспріемникомъ бывшаго, и вычиталъ предъ козаками, и усовѣтовалъ ступать на Запороже, и рушилъ декабря 7 дня 1647 года» (стр. 6). Это очевидное извлеченіе изъ сказанія Грабянки. Но въ лѣтописи Самовидца, отмѣнно отъ всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ и позднѣйшихъ сказаній, вмѣсто Барабаша поставленъ Ильашъ Переясловскій, и Хмельницкій у него похищаетъ королевскую грамоту, хранившуюся въ Переясловѣ. Ригельманъ такъ уладилъ дѣло, что заставилъ Хмельницкаго звать къ себѣ въ гости и Барабаша и Ильаша, и посылать гонцовъ за грамотами и въ Черкасы и въ Переясловъ. Но такая гоньба за двумя генеральными асаулами не рѣшаетъ намъ спорнаго дѣла. Предположить бы такъ, что Самовидецъ, написавши сперва сказку объ Ильашѣ, во Введеніи поставилъ настоящую быль о Барабашѣ; но тогда бы онъ выбросилъ изъ своей лѣтописи сказку объ Ильашѣ, или же какъ-нибудь оговорился, какъ, напримѣръ, Величко въ своей лѣтописи, приводя сказку о Тимошѣ Хмельницкомъ: «же по смерти отческой (если то есть правда) Чаплинскую, мачеху свою, на воротахъ обвѣсилъ» (I. 14).

Вы, въ своемъ объясненіи, желая согласить сказаніе Введенія о Барабашѣ и сказаніе самой лѣтописи Самовидца объ Ильашѣ, говорите: «Я понимаю дѣло такъ, что здѣсь говорится объ одномъ лицѣ, именно

о Барабашѣ». Съ этимъ заключеніемъ вашимъ нѣтъ возможности согласиться; ибо слишкомъ ясно и опредѣлительно сказано въ лѣтописи объ *Ильишѣ*, значномъ козакѣ *Переясловскомъ*, хранившемъ грамоту въ *Переясловѣ*; и нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, могъ объ этомъ старшинѣ и о Барабашѣ Черкасскомъ говорить какъ *объ одномъ лицѣ*: то были два старшія лица въ тогдашнемъ козачествѣ! Но ваши слова, что здѣсь говорится — «именно о Барабашѣ» — заставили меня передумать это дѣло и рѣшить его заново.

Невозможно, чтобы современный Хмельницкому козакъ-лѣтописецъ не зналъ, что королевская грамота похищена Хмельницкимъ — именно у *Барабаша*, въ Черкасахъ. О томъ самъ Богданъ, спустя полгода, объявилъ всему Малороссійскому народу, въ Бѣлоцерковскомъ универсалѣ, говоря такъ: »Теды я Хмельницкій, взявши Господа Бога на помощь, и одобравши штучнымъ способомъ у Барабаша привиліе королевскіе, мусилемъ сіе военное зъ Поляками зачати дѣло.« Какъ же можно было козаку-самовидцу написать въ своей лѣтописи такую небылицу, будто Хмельницкій отобралъ грамоты — у *Ильиша Переясловскаго*? Нѣтъ, онъ въ своей лѣтописи не могъ написать такой чепухи о дѣлѣ общезвѣстномъ; у него, конечно, было написано имя *Барабаша*, — а какой-нибудь проказникъ переправилъ *Черкасы* на *Переясловъ*, а имя *Ивана Барабаша* на *Ильиша*, отчего и стало: зъ *Иваномъ Ильишемъ*....«

Подобную штуку я замѣтилъ уже прежде на извѣстномъ спискѣ 15-ти полковъ (вмѣсто 16-ти), на которые раздѣлил Малороссію Хмельницкій 1650 года. Тогдашнія числа реестровыхъ козаковъ каждого полка сохранились у Коховскаго. Какой-то проказникъ въ прошломъ столѣтіи переправилъ числа въ трехъ полкахъ:

Въ Черниговскомъ — вмѣсто 996 — 9,096!

Въ Пѣжинскомъ — вмѣсто 983 — 9,083!

Въ Кальницкомъ — вмѣсто 2,046 — 6,046!

И съ этими вздорными числами 15-полковой списокъ, напечатанный въ Лѣтописцѣ Рубановомъ, повторялся потомъ въ историческихъ сочиненіяхъ о Малороссіи — Симоновскаго, Ригельмана, Бантыша-Каменскаго, Срезневскаго, Маркевича!...

Такъ-то вышло и съ похищеніемъ грамоты — у *Ильиша*, изъ *Переяслова*: съ этими именами разошлась лѣтопись Самовидца во многихъ

спискахъ по Малороссіи. Такой же списокъ ея былъ и въ рукахъ Грабянки, ибо онъ въ свое сказаніе о похищеніи грамоты у Барабаша прибавилъ еще грамоту — «на робленіе суденъ водныхъ, данную королевскому зычливцу Ильяшу Пер. ясловескому!» Но извѣстно положительно, какъ и въ вашей книгѣ означено, что грамота королевская, въ которой дозволялось козакамъ и строеніе челновъ, дана была Барабашу; а на долю Ильяша доставалось совсѣмъ другое: полученіе и исполненіе приказанія ежечь козацкіе челны, 1638 года. И такъ теперь приспѣло намъ дѣло до Ильяша Караимовича Переясловскаго, состоящее въ томъ, чтобы вычеркнуть его имя изъ лѣтописи Самовидца, отнять у него королевскія грамоты и передать ихъ по принадлежности — *Ивану Дмитріевичу Барабашу* и женѣ его *Лавѣи*. Черкасскому старшинѣ не посчастливилось и въ лѣтописи Ерлича, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ спискахъ ея, къ которымъ принадлежитъ напечатанный Войццикимъ 1853 г. Тамъ, при сказаніи о королевскомъ позволеніи и денежномъ вспоможеніи на построеніе челновъ и морскіе походы, данныхъ козакамъ 1641 года, сказано: «давши имъ и ихъ старшему, по имени *Дорошенкови*» (I. 52). Это явная ошибка: Дорошенко — вмѣсто *Барабашенка*.

По изложенному мною соображенію, я предлагаю возстановить подлинное чтеніе лѣтописи Самовидца такимъ образомъ:

»Въ Чигиринѣ мѣстѣ мешкалъ сотникъ Богданъ Хмельницкій, козакъ ростропный въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ, и у писмѣ вѣжливый, и часто у двора королевского въ поселствѣ будущій; и подъ часъ бытности своей съ козакомъ значнымъ Черкасскимъ зъ *Иваномъ Барабашемъ* (а той *Барабашъ* барзо зычливый королеви его милости), и упрости писмо албо привилей на робленіе челновъ на море мимо вѣдомости гетмановъ коронныхъ, що и одержавши, тое скрыто держали отъ полковниковъ въ *Черкассахъ*.« И далѣе: «...бо маючи въ дому своемъ у гостяхъ того *Барабаша*....»

Согласны ли вы признать такое чтеніе, и тѣмъ порѣшить этотъ затруднительный случай въ Малороссійскомъ лѣтописаніи? А что въ драгоцѣнной Лѣтописи Самовидца не все находится въ исправности, я приведу еще два случая.

Подъ конецъ 1656 года поставлено: «Тылко тое войско zostающее къ Богу и ко Днѣпру ходило зъ сыномъ Хмельницкого Тимошемъ на помочъ господареви Волоскому, тестеви его Василеви Липулу...» и т. д. (стр. 26). Ясное дѣло, что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто,

конечно, при позднѣйшей перепискѣ лѣтописи; ему слѣдуетъ быть подъ 1653 годомъ.

Подъ 1657 годомъ сказано: «Але Выговскій... высылаетъ полкъ Нѣжинскій и *Стародубовскій* у повѣтъ Полтавскій на залогу» (стр. 28). Здѣсь, по моему примѣчанію, Стародубовскій полкъ поставленъ обмолвкой; ибо этого полка не было еще въ 1657 году; онъ установленъ уже въ 1663-мъ году, когда сталъ гетманомъ Брюховецкій. Въ лѣтописи надо поправить такъ: «...высылаетъ полкъ Нѣжинскій и *Черниговскій*».

20 декабря.

ПИСЬМО 11-е.

О сотничествѣ Хмельницкаго.

Мнѣ остается отвѣчать еще на одно мѣсто вашего объясненія — о *сотничествѣ* Хмельницкаго и его генеральномъ и войсковомъ *писарствѣ*. Тутъ вы позабавились надъ тѣмъ, что Богданово сотничество я называлъ — *скромнымъ званіемъ*. Вы говорите: «Что Хмельницкій прежде былъ писаремъ, Максимовичъ не отрицаетъ этого, но думаетъ, что Хмельницкій, по взятіи Павлюка, оставался въ скромномъ званіи сотника до 1648 года. Почему же знаетъ это Максимовичъ? Если Хмельницкій послѣ своего писарства въ 1637 году могъ находиться въ скромномъ званіи сотника, то въ промежутокъ отъ 1637-го до 1648-го года онъ могъ изъ скромнаго званія сотника еще разъ сдѣлаться писаремъ, и снова перейти въ скромное званіе сотника. Не только Миллеръ и Конискій, какъ говоритъ Максимовичъ, но и Коховскій называетъ его писаремъ.»

Шутки въ сторону, а дѣло вотъ въ чемъ. Меня остановило въ вашей книгѣ о Хмельницкомъ слѣдующее мѣсто: «Онъ получилъ въ ней (т. е. въ службѣ реестровыхъ козаковъ) чинъ *сотника*, а потомъ занималъ мѣсто между войсковыми старшинами, какъ говорятъ нѣкоторые, *генеральнаго писаря*.» (I. 44). *Какъ говорятъ нѣкоторые* — и при этой оговоркѣ — ссылка только на двухъ позднѣйшихъ писателей, *Миллера* и *Конискаго*: это показалось мнѣ требующимъ подтвержденія, что Хмельницкій дѣйствительно былъ войсковымъ писаремъ, и опредѣленія, когда именно былъ онъ въ этомъ званіи, что и сдѣлано мною въ Украинцѣ: я назвалъ Миллера и Конискаго только потому, что вы на нихъ двухъ

сослались; будь у васъ еще и *Коховскій*, у меня сказано было бы, что вы ссылаетесь на трехъ свидѣтелей; но ваши оговорки («какъ говорятъ нѣкоторые») все таки заставили бы меня опредѣлять: когда же именно Хмельницкій былъ писаремъ? Оказалось, что не было той постепенно-сти, какую и вы дали, что былъ онъ сотникомъ сперва, а *потомъ* занималъ мѣсто въ войсковой старшинѣ, въ званіи писаря. Такъ представлять могъ Миллеръ, оставлявшій его писаремъ до самаго гетманства; но въ старей козаччинѣ не разъ случалось, что полковникъ становился сотникомъ и просто — *товаришемъ*. По моему примѣчанію, Хмельницкій сталъ войсковымъ писаремъ *по взятіи Павлюка* подъ Боровицею, т. е. въ половинѣ декабря 1637 года; это видно мнѣ изъ того, что Боровицкую присягу 15 декабря подписалъ «Писарь Богданъ Хмельницкій»; а до той поры, въ продолженіе Павлюковой войны, были войсковыми писарями — прежній *Федоръ Онушкевичъ*, а потомъ *Иванъ Догоринскій*. Опредѣливъ такимъ образомъ, когда началось писарство Хмельницкаго, я замѣтилъ и то, что оно продолжалось весьма не долго, ибо подъ конецъ Острианцынской войны, т. е. въ половинѣ слѣдующаго 1638-го года, былъ уже другой войсковый писарь, а Богданъ Хмельницкій остался попрежнему — *Чигиринскимъ сотникомъ*. Былъ ли онъ въ другой разъ войсковымъ писаремъ, на это нѣтъ у меня въ виду современныхъ, опредѣлительныхъ извѣстій. Возможности къ тому — я не отрицаю, но дѣйствительности — не вижу, потому и не признаю. А между тѣмъ вижу, что Хмельницкій и подъ конецъ своей до-гетманекой жизни былъ въ званіи *сотника*, напримѣръ, въ 1647 году, когда онъ съ *своимъ полковникомъ* ходилъ изъ Чигирина противъ Татаръ. Величко, писавшій подъ вліяніемъ Дневника Зорки, говоритъ, что Хмельницкій былъ *на тотъ часъ сотникомъ Чигиринскій*. А всего важнѣе для меня, что Козакъ-Самовидецъ знаетъ его и называетъ *Чигиринскимъ сотникомъ*. Вотъ почему я и оставляю его въ этомъ званіи, съ половины 1638-го и до конца 1647-го, не имѣя еще *положительнаго* извѣстія, чтобы онъ въ промежутокъ этихъ лѣтъ былъ войсковымъ писаремъ.

Вамъ непременно хочется, чтобы на 1646-й годъ, къ пріѣзду канцлера Оссолинскаго, Хмельницкій былъ не сотникомъ, а войсковымъ писаремъ. Вы говорите: «И кажется очень правдоподобно, что Хмельницкій занималъ чинъ войскового писаря въ то время, какъ Оссолинскій велъ съ нимъ и съ Барабашемъ переговоры. Иначе странно было бы предположить, чтобы канцлеръ съ такимъ важнымъ государственнымъ дѣломъ, для котораго нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество,

обратился къ сотнику одного изъ Украинскихъ полковъ. Очень могло быть, что Хмельницкій, послѣ неудачной развязки Владислава предпріятія, возвратился въ свою сотню.»

Ничего *страннаго* не вижу я въ предположеніи, что Оссолинскій, когда ему нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество, обратился къ Чигиринскому сотнику Хмельницкому. Такихъ *сотниковъ* не было ни прежде, ни послѣ, въ Украинѣ Козацкой.... Что могла прибавить къ именитости заслуженнаго Богдана въ козачествѣ лишняя чиновная ступенька? Если бы въ 1646 году онъ оставался даже не сотникомъ, а просто *товарищемъ* Чигиринскаго полка, и тогда бы Оссолинскій къ нему первому обратился съ порученіемъ отъ короля, который давно зналъ его и у котораго, безъ сомнѣнія, онъ первый въ козачествѣ былъ на примѣтѣ. Оссолинскій, какъ сказано въ вашей книгѣ, довѣрилъ тайну двора не только Барабашу и Хмельницкому, но и еще нѣкоторымъ козакамъ. Въ какомъ же чинѣ предстали тѣ козаки на совѣтѣ канцлера? Ужъ вѣрно, не старше сотникаго! Богданъ Хмельницкій, будучи Чигиринскимъ сотникомъ подъ конецъ Острияницинской войны, наряженъ былъ тогда въ депутаты къ самому королю отъ всего Запорожскаго Войска; а тутъ, въ пріѣздъ канцлера къ козакамъ, съ тайнымъ порученіемъ отъ короля, мало Хмельницкому быть сотникомъ, надо быть ему войсковымъ писаремъ, какъ будто прибавка этого чина много значила въ глазахъ канцлера! Личность Богдана и его заслуга козацкая значили все— для Владислава; и Оссолинскаго, и для козачества добавлю вашими словами: »самъ Конецпольскій, врагъ козацкаго сословія, уважалъ его дарованія....« И такъ—пока не откроется современнаго свидѣтельства, что Хмельницкій въ сороковыхъ годахъ былъ войсковымъ писаремъ, оставимъ его въ скромномъ званіи — Чигиринскаго сотника, въ какомъ знаетъ его современное козачество подъ конецъ его догетманской жизни.

М. Максимовичъ.

21 декабря, 1860 года.
Михайлова-Гора.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БЪЛОКОУТЕНКА

ПЕРВЫЕ ДНИ ВЪ ШКОЛѢ И ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА ДОМОЙ.

.... Погрозилъ мнѣ отецъ пальцемъ, и я онѣмѣлъ.... Хома началъ было уговаривать меня итти въ хату, но я не слушался; Хома хотѣлъ увести меня насильно, но я схватился обѣими руками за ворота.... И все смотрѣлъ я и смотрѣлъ на удаляющагося.... А когда, за первымъ изгибомъ дороги, онъ скрылся изъ виду, въ груди у меня какъ-будто что оборвалось.... Я застоналъ и, рыдая, повалился въ снѣгъ.... Пусть Хома несетъ теперь въ хату, или пусть тутъ бросить!...

Добрый Хома внесъ въ хату, и, положивъ на лавку, сквозь слезы принялся убѣждать; но я отворотился отъ него.... И рыдалъ я до тѣхъ поръ, пока не стало ни слезъ въ глазахъ, ни стоновъ въ груди.... Затѣмъ истощеніе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, какое-то тяжелое забытье, а тамъ и сонъ.... Спустился, наконецъ, благодѣтельный, на измученную скорбію мою душу и успокоилъ ее осиротѣлую забвеніемъ всего и всѣхъ....

Проснулся я только передъ ужиномъ, и проснулся бодрый, веселый, много болталъ.... Такъ ночь послѣ томительнаго, знойнаго дня заканчивается всегда восхитительнымъ утромъ, освѣжительною росой.... Но когда пришла пора ложиться спать, когда я увидѣлъ, что не Васька стелетъ мнѣ постель, а Хома, и что не мать собирается укладывать меня, а тотъ же Хома, добрый Хома, ласковый, а все таки не мать! и не *попестивъ* (не поласкалъ) меня на ночь, не поцѣловалъ.... И когда я услышалъ еще слова Усти: «На що́ ему стелешъ, вкладашъ, якъ маленьку дитину? Хіба не чувъ», говорить, «що татусь просівъ до всѣго привчати!», и слова хозяйки: «Себѣ знай, ледѣча!» слова, повѣявшія на ме-

ня женскимъ заступничествомъ, такъ легко вызывающимъ наружу дѣтское горе,—слезы снова полились у меня... и я плакалъ, долго плакалъ, тоскливо припоминая то сцену разставанья съ матерью, тамъ, дома, въ свѣтлицѣ... то образъ удаляющагося и грозящаго мнѣ пальцемъ отца... нѣтъ ли чего, подающаго хоть какую-нибудь надежду.... Нѣтъ, нѣтъ, ничего нѣтъ!... »Покинули менѣ, всі покинули!...«

Таковъ былъ первый день перваго моего пребыванія межъ чужими людьми! Такова почти была и слѣдовавшая за нимъ ночь! Всю ночь мнѣ видѣлись: то столъ, съ кучкою карбованцовъ на немъ, а за столомъ смотритель, предлагающій вопросъ: »А какъ«, говоритъ, »Авраамъ хотѣлъ убить Исаака?« то учитель Александръ Прохоровичъ, пыхкающій мнѣ подъ самый носъ какимъ-то табачнымъ дымомъ; то Устя, веѣмъ толкующая: »Нехай самъ привика, нехай до всёго привика!« —и я сжимался и сжимался, какъ-будто спрятаться хотѣлъ въ постели, вскрикивалъ со сну....

Но не покинули меня, не покинулъ меня мой старикъ! Просыпаюсь на другой день утромъ, — на лавкѣ сидитъ и разговариваетъ съ хозяйкою и съ Хоמוю.... Веѣ сны, веѣ страданія забыты.... »Батюшка!« и, какъ былъ въ постели, къ нему, прижался къ колѣнямъ, охватилъ обѣими руками....

— Що се, що се!.. такой великій, та пеститьця!...

А между тѣмъ одну руку мнѣ на шею, прижимаетъ къ колѣнямъ, а другую на голову, тихо гладить....

— Головка не болить?

»А мама де?« поднявъ голову, чтобы взглянуть ему въ лицо.

— Я дома не бувъ....

Снова опустилъ голову и еще крѣпче прижался къ его колѣнямъ, а онъ снова....

»Нѣтъ, говорю, не болить!...«

Кажется, не повѣрилъ, принялся ощупывать голову, грудь, въ особенности лѣвый бокъ, около сердца....

— Може ти, говорить, плакавъ?... Чи ни плакавъ, вінъ?—къ Хомѣ, хозяйкѣ, Устѣ....

Устя захохотала... я и дыханіе притаилъ когда-то, когда я учился еще у дяди, выскѣкъ онъ меня больно за слезы подобного рода!

Старикъ, впрочемъ, какъ-будто не слышалъ хохота, снова спросилъ, обращая на этотъ разъ вопросъ прямо къ Хомѣ.

»Ні, не плакавъ!« отвѣтилъ добрый Хома: »чогó-бъ же ёму плакать?...«

— Коли не плакавъ, то розумний!.. и мати не буде плакать, не дужать!...

....Послѣ завтрака отецъ велѣлъ одѣться:—Въ училище, говоритъ, одведѹ!...

Я надѣлъ сюртучокъ, кожушокъ; завязалъ, какія были у меня, книжки въ платокъ.

»Помолімся жъ Богу!« началъ креститься....

Я слѣдовалъ его примѣру.

— Зъ Богомъ!... Прощавайте!

»Прощавайте!« Хома и хозяйка. »Нехай вамъ Богъ помагá!«

Проводили обое до самыхъ воротъ....

Учители сидѣли по классамъ, когда мы пришли въ училище: такъ объявилъ намъ одинъ изъ учениковъ, бывшій на крыльцѣ и почему-то предпочитавшій прыжки на генварьскомъ морозѣ сидѣнію за скамьею.... Сторожа же налицо не имѣлось: и въ этотъ день, какъ и каждый день послѣ, во все время смотрительствованія тогдашняго смотрителя, онъ былъ на смотрительскомъ дворѣ, занимался тамъ разными домашними занятіями, конечно не своими....

— Гдѣ, спрашиваетъ отецъ у школяра, такой-то учитель?

»Тамъ!« отвѣчаетъ тотъ, указывая на одну изъ дверей взглядомъ и движеніемъ головы,—руки заняты были согрѣваніемъ ушей.

— Какъ бы его вызвать?

»Надо постучать въ дверь.... А вы развѣ хотите его вызывать?

— Да!

»Такъ обождите немного!..« и школяръ съ крыльца, и стрѣлой черезъ дворъ, и въ какой-то сарай....

Старикъ искоса посмотрѣлъ на улепетывающаго школяра, взглянулъ потомъ мелькомъ на меня... вошелъ въ сѣни и постучалъ довольно громко въ дверь.... Дверь тихонько скрипнула, и изъ-за нея—какъ-будто слизнячокъ вынырнулъ....

— Зачѣмъ ты такъ громко стучишь? Учитель *сѣрдятця!*—но потомъ, замѣтивъ, вѣроятно, у меня книги, мягче: — Кого трѣба?

»Вчителя вáшого!...«

Слизнячокъ смѣшался....

— Такъ мѡжна вѣкликать вáшого вчителя?

»Зáразъ, зáразъ! пѣждѣть трѡшечка!...«

И скользнулъ за дверь, какъ-будто она и не отворялась....

Наконецъ Александръ Прохоровичъ явился въ сѣни.... Поздоровавшись съ отцомъ и узнавъ, зачѣмъ пришли, велѣлъ мнѣ идти въ классъ, а самъ остался съ старикомъ въ сѣняхъ....

Я пошолъ въ классъ, споткнулся на порогѣ, поднялъ голову....

Головы и головы рядами... все смотрятъ, улыбаются, насмѣшливо перешептываются.... »Селѣ, селѣ!«

Я растерялся, и, самъ не зная, что дѣлаю, и къ заднимъ скамьямъ, чтобы не чувствовать непривѣтливыхъ взглядовъ....

— Куді, селѣ!! кто-то изъ ередини....

Какъ заяцъ, налетѣвшій на выстрѣлъ, я отпрянулъ, а весь классъ: ха, ха, ха!!!..

Въ головѣ шумить, линіи насмѣшливыхъ взглядовъ и хохочущихъ ртовъ мѣшаются, перепутываются, уходятъ въ глубь, ничего не вижу... только хохотъ, да тяжелый мракъ... тоска въ душѣ безпредѣльная!...

О, друзья мои, много въ дѣтской натурѣ есть жестокаго!...

Да, тяжело вступать въ храмъ познанія такими дверями, какими я вступилъ и какими тысячи мнѣ подобныхъ, можетъ быть, вступали!... Тяжело даже вспоминать объ этомъ!... Горькое прошлое, сглаженное въ своихъ углахъ временемъ и облитое милымъ свѣтомъ отдаленнаго и счастливаго дѣтства, пріятно воспоминается мнѣ всегда, даже пріятно было мнѣ вспоминать о моемъ первомъ прощаньи съ матерью; но тутъ и вспоминать тяжело!... Рана, нанесенная сердцу въ дѣтствѣ, еще не успѣла совсѣмъ закрыться, хоть съ того времени много-много утекло уже воды изъ нашихъ рѣкъ и рѣчекъ въ Черное море! я дотронулся до больного еще мѣста....

Не будемъ же дотрогиваться до такихъ мѣстъ! А если бы гдѣ понадобилось непременно, будемъ дотрогиваться помягче! Зоркое око и по наружному виду распознаетъ великость язвы и силу нанесеннаго удара, а съ зрѣніемъ близорукихъ — пусть кто другой возится, а я умываю руки! не чувствую въ себѣ къ подобному дѣлу ни малѣйшаго призванія!... Да и вообще, будемъ веселѣе! веселіе — свѣтъ!...

Сколько я ни стараюсь вызвать воспоминаніемъ, что происходило въ классѣ послѣ описанной мною сцены, — т. е., какъ учитель вошелъ въ классъ, что я тамъ дѣлалъ, или что со мною дѣлалось, — ничего не помню: мракъ, мракъ и мракъ! Помню только, что когда выпустили изъ клас-

са, я опрометью бросился на квартиру и, не нашедши тамъ отца, рыдалъ еще сильнѣе вчерашняго....

Таковъ былъ второй день моего пребыванія между чужими людьми!..

На третій день отецъ опять прѣхалъ ко мнѣ утромъ и, отведши меня въ классъ, опять исчезъ. На четвертый день явился онъ уже послѣ обѣда и провелъ со мною около часу; на пятый — вечеромъ, тоже не болѣе какъ на одинъ часъ... А потомъ уѣхалъ домой и уже цѣлыхъ двѣ недѣли ко мнѣ не являлся.

Что со мною дѣлалось въ эти двѣ недѣли, почти ничего не помню; помню только: первую встрѣчу съ своимъ хозяиномъ, помню, какъ Устя утѣшала меня въ тоскѣ, и помню, какъ я возвращался обыкновенно изъ школы на квартиру.

Первая встрѣча съ хозяиномъ была на третій день пребыванія моего въ городѣ. Пришедши изъ училища, я сидѣлъ возлѣ стола и ожидалъ, пока дадутъ обѣдать.

— Отъ, говоритъ Устя, выглянувъ въ окошечко: и татусъ идѣтъ!

Я бросился и себѣ къ окошку....

Солдатъ идетъ — было первое впечатлѣніе; но оно было мгновенно, и его тотчасъ закрыло другое впечатлѣніе: у солдата что-то на лѣвой ногѣ, какая-то огромная, изъ бѣлаго войлока, *кѣндя*... ⁽¹⁾ «Что это за кѣндя?... Зачѣмъ она?... И только одна!..» и открылъ даже окошечко, чтобы лучше поглядѣть, какъ она плыветъ по снѣгу, въ сѣни...

«А, въ сѣни!» и отъ окошечка... началъ глядѣть на порогъ..

Дверь скрипнула, поднимается *кѣндя* и шлѣпъ черезъ порогъ!... Снова поднимается, и снова шлѣпъ!... шлѣпъ, по хатѣ шлѣпъ!... какъ какая-то лягушка пузатая!..

Я захохоталъ!...

— Вишь, який вінъ! раздалось у меня надъ самую голову.

Я сконфузился... поднялъ голову: меня разсматриваетъ — какое добродушное лицо!... Солдатская фуражка, по усамъ и бакенбардамъ — снѣгъ; бѣлая шинель, ферткомъ въ бока.... а внизу всё таки эта кѣндя... Ахъ, какая она смѣшная!...

Второе воспоминаніе тусклѣе видвигается въ моей памяти. Помню только, что когда бывало затоскую крѣико, и хозяйка велить Устѣ пойти со мною гулять, — Устя водила меня на базаръ и угощала тамъ... т. е. брала изъ моего кармана деньги, пока водились еще данныя матерью

(1) Кенга

и оставленные отцомъ, покупала на нихъ *маковникі* или другія лакомства, ѣла ихъ и мнѣ иногда удѣляла: «На», говоритъ, «покоштуй — вонó смащнѣ!...» ⁽¹⁾ И я коштувавъ, крѣпко всегда недоумѣвая, отчего она ѣсть лакомства, а я только коштую, а не я ѣмъ ихъ, а она только коштуетъ!... «Мóже вонó такъ и трѣба!» думалъ я, «мóже тутъ такі звичаі!»

За то третье воспоминанье рѣзко выдвигается въ памяти — какъ-будто это еще вчера со мною было.

Я лечу и лечу, вырвавшись изъ школы! не бѣгу, а лечу! и на другой день такъ, и на третій... Сзади хохочутъ школяры; прохожіе указываютъ пальцами: «Нарóдникъ» ⁽²⁾, говорятъ, «втíка! нарóдникъ втíка!...» собаки гонятся за мною, духъ у меня захватывается, а я лечу и лечу!... Куда?... гдѣ мнѣ будетъ теплѣе, куда инстинктъ поведетъ!...

Устя однажды стала было ему, инстинкту этому, на перепутьи, но что-то другое стало на перепутьи, и я не погибъ...

— Оцѣ дурній! — сказала она мнѣ однажды, видя, какъ я лечу изъ училища: — Коли вже тíкати ⁽³⁾, такъ тíкавъ би въ свій хутір! — и засмѣялась своимъ бездушнымъ смѣхомъ....

«Втíкати ⁽⁴⁾? втíкати додóму?» подумалъ я: «Чувъ я, що втíкають, и що....» — и мнѣ страшно стало: я съ ужасомъ отворотился отъ этой мысли.... Но въ особенно тяжелыя для меня минуты, какъ демонъ-искуситель приходили мнѣ на мысль слова Усти и манили мое воображеніе картинами жизни въ хуторѣ, на свободѣ...

Почему тутъ дѣло не дошло до исполненія, рѣшительно не могу объяснить: время давнее, да и мудрено въ подобныхъ случаяхъ распознавать главные мотивы дѣйствованія дѣтской души отъ второстепенныхъ. Помню только, что однажды, когда особенно мнѣ тяжело было и когда особенно долго занимала меня мысль: «Чомъ же? хіба гірше ⁽⁵⁾ буде, якъ оцѣ?...» — такой приснился мнѣ сонъ.... Смѣтесь? Не смѣйтесь! Вообще, сны въ нашей жизни важнѣе занимаютъ мѣсто, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ мы сознаемся; а у дѣтей — они въ числѣ сильныхъ двигателей ихъ дѣйствій, и въ особенности у дѣтей съ живою натурою и пріученныхъ оглядываться во всѣ стороны, отовсюду выводить заключенія.

⁽¹⁾ Отвѣдай — оно вкусное.

⁽²⁾ Ученикъ *народнаго* училища. Уѣздныя училища, какъ извѣстно, назывались прежде народными.

⁽³⁾ и ⁽⁴⁾ Уходить — ⁽⁵⁾ Хуже.

Мнѣ снилось, будто я въ училищѣ, живу на той же самой квартирѣ и проч. — словомъ, вся обстановка тогдашней моей дѣйствительности, — и по окончаніи уроковъ, пустился летѣть... но не туда, куда я обыкновенно леталъ прежде, а въ другую сторону, и не по землѣ, а по воздуху, — надъ домами, церквами, садами.... Вотъ уже и городъ назади, я уже лечу надъ лѣсами и глубокими ярами....

Вдругъ: — «Васильку, Васильку!» надо мною.

Поднимаю голову — надо мною бѣлое облако, а на облакѣ — бабушка... — «Куди ти, дитино моя?» — «Додому!» говорю. — «Додому?... Ой не лети, мой дитино, додому!» убѣждать меня начала, доказывать, рассказывать, что ожидаетъ меня.... «Ты», говорить, не «долетишь, устанешь, сядешь отдохнуть....»

«А поки бѣ ти одихну́въ, знайшовъ який чоловікъ и до отамана.... — «Що ти за хлопець?» спитавъ би отаманъ — сказавъ — «Чого жъ ти?» — «Не знаю!» — бо якъ же, говорить, «сказати, що ти відтіля....» ⁽¹⁾ изъ міста ⁽²⁾.... навіть заклѣвся бѣ, забожівся.... Ой, не літай, Васильку, не літай додому ніколи!... ⁽³⁾ И одіславъ би тебе, продолжала далѣе, «отаманъ до батька... и звелівъ би.... «Може лакізка» ⁽⁴⁾, дума, «втікъ, — знову втечѣ, ліха ⁽⁵⁾ набіжійшъ».... И такъ по сѣлахъ звязаного... хуторомъ: «Втікачъ», ⁽⁶⁾ кажуть, «втікачъ, втікачъ!»....»

Я вздрогнулъ, проснулся, облитый холоднымъ потомъ, съ невыразимою тоскою въ душѣ....

И теперь невольная дрожь пронимаетъ меня, когда я припоминаю этотъ сонъ, и когда подумаю, какъ я близько былъ ко всему, что произошло мнѣ сновидѣніе! И случись все это, — много-много язвъ нанесено было бы моему сердцу, и много стыда исчезло бы изъ дѣтской души.... А тамъ — дальше и дальше!... И кончилъ бы я, можетъ быть, такъ, какъ кончилъ — помните, мои школьные товарищи? — школяръ Гуря, начавшій тоже бѣгствомъ домой.... И не писалъ бы я, можетъ быть, своей автобіографіи, какъ теперь ее пишу, а выводилъ бы, можетъ быть, красивыя какія-нибудь литтеры въ какой-нибудь некрасивой полковой канцеляріи, или выписывалъ заступомъ въ какой-нибудь таинственной шахтѣ таинственныя дорожки.... И мало ли еще чего не могло случиться со мною!... И кто же этотъ невѣдомый, или что это за невѣдомое, недопустившее случиться всему этому, ставшее на пере-

(1) Оттуда. — (2) Изъ города. — (3) Никогда. — (4) Лакешка. — (5) Бѣды. — (6) Бѣглець.

пути Усть?... Или я еще не успѣлъ тогда выпить чаши огорченій до дна? душевная сила? случай?... мое незнаніе дороги домой?... Или въ самомъ дѣлѣ эта картина ужаснаго будущаго, промелькнувшая предъ моими духовными очами сквозь таинственное окошечко сновидѣній?... Богъ вѣсть, Богъ вѣсть!

О, добрые земляки мои! учите своихъ дѣтей ласковѣ и привѣтливѣе встрѣчать новоприбылыхъ товарищей!... пусть остроуміе свое надъ ними упражняютъ послѣ, когда новоприбылые оботрутся уже, станутъ въ школѣ, какъ у себя дома, могутъ имѣть своихъ сторонниковъ и, слѣдовательно, могутъ бороться равнымъ оружіемъ! Я бы попросилъ объ этомъ и педагоговъ, но это не по ихъ части, а начальствующихъ просить — у начальства и безъ того много разныхъ серьезныхъ, очень серьезныхъ обязанностей!...

И долго я леталъ изъ школы на квартиру! и леталъ бы, можетъ быть, и долѣе, еслибъ не приняла во мнѣ участія одна добрая женщина.... Разскажому объ этой женщинѣ, — кто она была, какое она приняла во мнѣ участіе, и какія послѣдствія для меня имѣло вмѣшательство ея въ мою судьбу, — я забѣгаю нѣсколько впередъ въ своей автобіографіи, но да будетъ тако! надобно съ этимъ предметомъ покончить по возможности полнѣе, чтобы потомъ къ нему не возвращаться!

Въ одномъ со мною классѣ, т. е. въ приходскомъ, былъ у меня товарищъ, по имени Иванъ.... По фамиліи я его не назову вамъ Ивана — по разнымъ причинамъ, да и потому, что и никто почти въ классѣ не называлъ его по фамиліи.... У насъ, — вы, можетъ быть, знаете давніе наши обычаи школьные: лишь попадется, бывало, межъ насъ какая особенная личность, — прощайся она съ своимъ предковскимъ прозваніемъ! Ее будутъ называть пятью, шестью прозвищами, сочиненными тутъ же, но настоящимъ — никогда. Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и нашъ Иванъ. Во первыхъ, Иванъ имѣлъ фамилію, которая рифмовалась съ его именемъ Иванъ, и съ словами *галаганъ*, *тарканъ*, — его звали Иванъ Галаганъ, Ивакъ Тарканъ; потомъ Иванъ имѣлъ лицо, усыпанное веснушками, — его звали за это Иванъ Горобіне-Яйцѣ, Иванъ Сорбче-Яйцѣ; онъ былъ маленькаго роста — его звали Иванъ Знісокъ.... Иванъ былъ страшный охотникъ подраться на кулачки, и когда дрался, прыгалъ въ глаза и все норовилъ, какъ бы *лихтарі* *посвітить* подъ глазами, или *паскудникъ* *збить* ⁽¹⁾ съ носа, —

(1) *Паскудникъ* — лошадиная болѣзнь; *сбить паскудникъ* — пустить ло-

его и звали Иванъ Осѣ или Иванъ Слѣта⁽¹⁾; у Ивана, когда сердился, волосы щетинились, и весь онъ какъ-будто щетинился и раздувался, — его окрестили за это *ѣжакѣмъ*, *ѣршѣмъ* (ѣжъ, ѣршъ); у Ивана были рыжіе волосы — учителя звали его Рудая шельма, а учитель Лепѣкинъ, изъ Калужской губерніи, — Рыжая бестія.... Словомъ, сколько особенностей, выпуклостей было въ Иванѣ, столько и прозваній, и каждый крестилъ его по той особенности, которая больше кидалась ему въ глаза, или не гармонировала съ его понятіями о нормальности человѣческой натуры. И не думайте, чтобы Ивана не любили. Напротивъ, его очень любили даже учителя, — за его доброту сердца, за какой-то рыцарскій и вмѣстѣ веселый характеръ, за умъ бойкій и за какое-то чрезвычайно пріятное, влекущее, открыто-сердечное выраженіе утыканнаго веснушками его лица. А ужъ я какъ его любилъ!! Потому и буду называть его просто по имени, Ивасемъ, какъ я звалъ его въ школѣ.

У Иваса былъ отецъ, отставной солдатъ, угрюмый старикъ, съ сабельнымъ рубцомъ на щетинистой сѣдой головѣ, и безъ двухъ пальцевъ на лѣвой рукѣ, и была мать, женщина съ блѣдно-желтымъ лицомъ. Отецъ этотъ былъ отецъ многочисленнаго семейства, и обладалъ въ высшей степени искусствомъ добывать льняное и конопляное сѣмя въ своей *олійницѣ*, что не только давило ему возможность содержать безбѣдно себя и свое семейство, а отцовскій грунтъ въ приличномъ положеніи, но даже давало возможность обзавестись нѣкоторыми жизненными удобствами, конечно по своему состоянію: купить и держать коровъ, расширить прикупкою и умножить посадкою деревь свой садъ и т. д. Мать же Ивасева была—отличная мастерица готовить вареники съ *цурдою*⁽²⁾ и капустою, добрая жена, добрая мать семейства, хорошая хозяйка, женщина въ высшей степени нѣжнаго и впечатлительнаго сердца и, когда жолчь не одолевала ея, деликатности необычайной. Эта-то женщина, мать Ивасева, и приняла во мнѣ участіе.

шади кровь съ *хранъ*. Отсюда перенесено выраженіе къ тѣмъ случаямъ, когда разшибается носъ до крови, на кулачкахъ и проч.

(¹) *Слѣтою* называется человѣкъ, лѣзущій къ вамъ съ просьбою и проч. такъ, что нельзя отъ него отвязаться, — словомъ, *якъ слѣта*. Какой корень этого слова, или что собственно имъ обозначается, — т. е. какой предметъ или какое живое существо — не знаю. Должно быть, первоначальное значеніе слова утратилось, а осталось только переносное. Слѣта—какъ-будто *овадъ*, велико-русскій *спянь*, — что-то въ этомъ родѣ.

(²) *Гурда* — начинка, извѣстнымъ образомъ приготовленная изъ *макухи*. Что значить *макуха* — объяснено ниже.

Живя въ сосѣдствѣ съ моими хозяевами, она тотчасъ узнала, что на ихъ *кутку* явился новѣй обитатель, *наробѣдникъ*, и что этотъ народникъ живетъ у Решѣтки. Да и какъ было не узнать ей объ этомъ! Такое важное событіе, какъ появленіе тамъ новаго обитателя, — да объ этомъ если не въ самый день моего пріѣзда въ городъ, послѣ того, какъ Устя сходила вечеромъ къ колодцу по воду, — такъ по крайней мѣрѣ на другой же день, послѣ всеобщей сходки на *місті*⁽¹⁾, затараторили по всѣмъ хатамъ этого захолустья всѣ наймычки, хозяйскія дочки и самыя хозяйки, что молъ такъ и такъ, такой и такой у него отецъ, на такихъ и такихъ лошадяхъ пріѣзжалъ, и т. д.! Отъ Ивася, она узнала, какъ я встрѣченъ былъ школярами, какъ по окончаніи классовъ улетаю домой, и т. п. Ея нѣжное сердце было тронуто моимъ одинокимъ положеніемъ въ кругу товарищей... и, какъ я узналъ объ этомъ послѣ отъ самого Ивася, она крѣпко пожурила его, что онъ вмѣстѣ съ другими преслѣдуетъ меня насмѣшками, и велѣла непремѣнно познакомиться со мною, защищать меня. Ивась, конечно, готовъ былъ исполнить приказаніе матери, но познакомиться со мною онъ не имѣлъ никакой возможности: входилъ я въ классъ почти вмѣстѣ съ учителемъ, а на дворѣ и на улицѣ никто изъ школяровъ не могъ ко мнѣ приблизиться, потому что я уходилъ отъ всѣхъ, какъ отъ чумы, и ноги у меня, какъ у мальчика-стѣпняка, были быстрые, чѣмъ у народниковъ-горожанъ, и даже у селянъ, неприученныхъ къ бѣганью и ходьбѣ, какъ насъ приучалъ отецъ. Узнавъ о неудачныхъ попыткахъ Ивася сблизиться со мною, мать его обратилась къ слѣдующей стратагемѣ.

Въ одно прекрасное воскресенье (это было на второй или на третьей недѣлѣ великаго поста), выслушавъ обѣдню въ приходской церкви, она воротилась домой и стала поджидать, пока выйдутъ изъ соборной церкви, въ которую обыкновенно водили насъ, школяровъ.... Къ этому времени, она вышла со двора и остановилась у угла, образуемаго дорожкой, ведущею ко двору моихъ хозяевъ, и улочкою, ползущей въ гору, къ дворамъ, расположеннымъ выше хозяйскаго двора, а въ томъ числѣ и къ ея собственному.

Вотъ она тамъ себѣ стоитъ, опершись локтяти на плетень, и будто что-то за нимъ разсматриваетъ, а я тѣмъ временемъ изъ церкви лечу.... Добѣжавъ до поворота къ хозяйскому двору и почувствовавъ себя свободнымъ отъ всякой опасности, т. е. отъ опасности встрѣтиться съ ка-

(1) На рынкѣ.

кимъ-нибудь школяромъ, — я приостановился перевести духъ и, по обыкновению, оглянуться, далеко ли остались всѣ эти разные.... чужіе..., — какъ съ боку у меня: — Чи ти, будь ласкавъ, хлопчику, не Білокопитенківъ! —

Я отпрянулъ въ сторону, какъ-будто выстрѣлили у меня подъ самимъ ухомъ, и быстро обернулся.... Ничего, ласково улыбается, кажется, не думаетъ гнаться!... должно быть, что-нибудь разсматривала за плетнемъ... — и я быстро пробѣжалъ по немъ взглядомъ — что тамъ? не видно ли въ скважины?...

»Бѣлокопитенківъ!...«

— Тимъ бо то!... Я тільки, — говоритъ, — глянула, — зразу пізнала: якъ дві каплі води — матуся!...

И такъ ласково улыбается, — мнѣ и въ голову не прійди, что я, какъ увѣряють домашніе, вылитый отецъ, а на мать нисколько не похожъ.

»Здоровенька вона?

— Здоровенька!

»Слава тобі, Царице небесная!... Однако, що це ми не привітаємось! (1) — Съ улыбкою подошла ко мнѣ.

Я робко снялъ шапку; мы поцѣловались.

— Який же ти, синашу, моторний! и т. д. и т. д.

Словомъ, устроила мое знакомство съ Ивасемъ!

Благодарный тебѣ вздохъ, добрая, если ты жива! а если уже считаешь въ могилѣ, подъ густою тѣнію пышныхъ яблонь и роскошныхъ липъ Толочанскаго кладбища, миръ праху твоему. Твой добрый примѣръ научилъ меня, и я пригрѣлъ нашего Нетямущого, какъ ты пригрѣла мою запуганную и уединившуюся душу, и ввелъ его въ кругъ товарищескій, какъ ты ввела меня въ него чрезъ своего Иваса. Только не съ такимъ тактомъ и умѣньемъ поступилъ я съ Нетямущимъ, какъ ты поступила со мною! Да и гдѣ, впрочемъ, равняться медвѣжьей мужской лапѣ съ нѣжною женскою рукою, да еще такой лапѣ, какъ моя!... Нетямущій былъ — мальчикъ веселенькій какъ ласточка, живой какъ *горобчикъ* (2).... острая и низко стриженная черная голова, черныя брови и глаза, щечки пунсовые, пухленькія внизу, *кожѹшокъ* назадъ оттопырившійся.... Словомъ, маленькая птичка веселенькая, подняла крылышки, рвется впередъ, за кормомъ!... Такимъ

(1) Не здороваемся. — (2) Воробушекъ.

влетѣлъ онъ въ первый разъ и въ классъ, — къ тому, къ другому, залива-ется, болтаетъ, щебечетъ!... Но тамъ его оттолкнули, тамъ захохо-тали, тамъ отворотились — конфузится, бѣдненькій, еще больше сжи-мается, притаился въ углу!... А урокъ кончился, — изъ класса, и, онъ, какъ я во времена оны, лѣтомъ домой!... сегодня такъ, завтра, послѣ-завтрего... Припомнилъ я, добрая, твой примѣръ, и умудрился!... Жолч-но ты насмѣхалась надъ моею неловкостью и грубостію, но и много зато меня ласкала и кормила лакомствами.... Выбралъ день, и выскочивъ прежде Нетямѹшаго изъ класса, засѣлъ за первымъ угломъ.... а когда тотъ, ничего не подозрѣвая, налетѣлъ, — я, какъ коршунъ на него, за ко-жѹшокъ.... Вырвался, — догналъ, снова за кожѹшокъ, и о землю!... Пи-щитъ бѣдный мальчикъ! »Що я«, говоритъ, »тобі таке заподіаявъ!...«⁽¹⁾ — »И я«, отвѣчаю, »нічого не заподію, ході тільки зо мною, не бійся мене!...« И подружались мы потомъ, особенно, когда я вытащилъ его изъ рѣки, а онъ чуть не утопилъ меня при этомъ....

Миръ же, говорю, праху твоему и костямъ твоимъ, добрая!.. а если ты жива еще — благодарный тебѣ вздохъ!...

Знакомство съ Ивасевою семьею было для меня, во многихъ отноше-ніяхъ, благотѣльно. Это было единственное въ городѣ семейство, гдѣ я былъ не чужимъ и гдѣ, слѣдовательно, могъ участвовать во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ семейной жизни и поддерживать ту внутреннюю теплоту, которою никакими средствами не напитаешь сердца дитяти, живущаго отособленною жизнію, и, выросши безъ которой, сердце наше никакимъ образомъ не можетъ становиться въ уровень — ни съ лучшими стремленіями своего времени, ни съ нуждами и воздыханіями народ-ныхъ массъ: человѣкъ, выросшій безъ такой теплоты, все только бу-детъ вращаться или около порожденій грязныхъ или, по крайней мѣрѣ, мелочныхъ страстишекъ, или около фикцій, ни къ небу нестремящихся, ни къ землѣ неприкрѣпленныхъ. — Тутъ же, въ семьѣ Иваса, при нуж-дѣ, мнѣ не отказывали въ кускѣ хлѣба; а раздавали дѣтямъ лакомство, — маковниковъ, на примѣръ, мать приносила съ *міста*, доставала изъ *хи-жі*⁽²⁾ куски маковой *махѹхи*⁽³⁾, такъ любимой, бывало, нами, *бычка*⁽⁴⁾

(1) Сдѣлалъ, причинилъ зло. — (2) Кладовая въ хатахъ, входъ въ которую изъ сѣней.

(3) и (4) *Бычкомъ* называется комъ толченаго и поджаренаго въ *олійни-ці* коноплянаго сѣмени. Лакомствомъ этимъ подчиваютъ у насъ обыкно-венно дѣтей, во время самаго добыванія масла. *Махѹхою* называется твердая масса выжимокъ, остающаяся послѣ добыванія масла.

дѣлалъ старикъ въ своей *олійницѣ* и давалъ дѣтямъ, — меня тоже не обходили. А ужъ садъ просторный и тѣнистый для гулянья, яблока и *дүүлѣ* ⁽¹⁾ доставать съ деревьевъ, вишни срывать очеретяными *липка-ми*, — все это было вполнѣ къ моимъ услугамъ.

Но больше всего, по крайней мѣрѣ осизательнѣе всего, было для меня полезно — знакомство, можно сказать, даже дружба, съ самимъ Ивасемъ. Это былъ неразлучный спутникъ во всѣхъ моихъ забавахъ, шалостяхъ и походахъ, а прежде всего — онъ первый ввелъ меня въ кругъ моего товарищества, защищалъ меня тамъ, и если не примирилъ, можетъ быть, вполнѣ моей души съ этою школьною жизнью, — по крайней мѣрѣ по возможности сдѣлалъ сноснымъ ея бремя.

Не безкорыстна, впрочемъ, была ко мнѣ дружба Ивася! Играемъ, бывало, съ нимъ гдѣ-нибудь у *булки*, или шлеемся по горамъ и высѣживаемъ зайцовъ, — просто, только бы найти, спугнуть и потомъ *потюкать*, — вдругъ: «Стой!... Будемо, Васютко, на кулачки битьца!» Такая ужъ проклятая у него страсть была! Отпѣкиваюсь, бывало, отговариваюсь; — нечего дѣлать, умолить! и «братіку», и «голубчику!». И какъ согласишься, бывало, такъ и разгорятся глазки! прыснетъ въ сторону, надвинетъ шапку на носъ, подскочить, упрется головою тебѣ въ животъ, — и начнетъ какъ мельница работать руками.... и по головѣ тебя, и по плечамъ, а иногда и въ носъ или въ зубы.... Самъ, бывало, плачетъ, какъ увидить, что изъ носа у тебя или изъ зубовъ кровь, но что будешь дѣлать!... И на другой день — опять тоже.... Я, впрочемъ, скоро умудрился, какъ съ нимъ быть. Какъ обуяетъ, бывало, его демонъ кулачокъ: «Добре!» говорю, «согласенъ; тѣльки дай свѣй кожѹшокъ!...» А надобно вамъ знать, что кожѹшокъ у него былъ сдѣланъ изъ кожуха его отца, въ которомъ тотъ работалъ бывало въ *олійницѣ*, — замасленный, затужавѣлый, — словомъ, какъ желѣзный, да еще и покрытъ толстою пестрядью: закутаюсь хорошенько, и, сколько душѣ угодно, пусть колотить! И что жъ бы вы думали? Какой бы ни былъ морозъ, сниметъ съ себя и дастъ! Такая ужъ, говорю, проклятая была страсть!...

Кромѣ Ивася, въ классѣ явился у меня скоро и другой защитникъ, съ которымъ хоть я и не былъ въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ, какъ съ Ивасемъ, но заступничество его было для меня гораздо дѣйствительнѣе заступничества Ивася. Другой этотъ заступникъ прозывался

(1) Лучшаго сорта груши, имѣющія продолговатый видъ.

Денисенкомъ, былъ выше меня классомъ, дубина почти въ сажень ростомъ и съ усами, — да, съ усами! Тогда и въ приходскомъ классѣ вживались школяры съ усами!

У меня съ Денисенкомъ не было никакой пріязни, да ея и не могло быть между школярами такихъ различныхъ возрастовъ; мы даже не знали одинъ о другомъ, гдѣ квартируемъ: съ одной стороны, это было своего рода патронатство, а съ другой — своего рода кліентство, водившіяся въ школахъ и тогда, какъ водятся они теперь, — только въ то время они не имѣли такихъ гадкихъ и гнусныхъ побужденій, какъ это часто бываетъ въ настоящее время. Просто, каждому сильному нужна была своя партія, которую бы онъ могъ защищать отъ другихъ сильныхъ, покровительствовать ей, и въ вознагражденіе считаться отъ нея и отъ другихъ ея главою, и такимъ образомъ удовлетворять своему тщеславію и самолюбію, а при случаѣ и получать отъ кліентовъ разные подарочки и пользоваться разными ихъ послугами, — какъ напримѣръ, сбѣгать на базаръ и купить *бубликівъ*, сбѣгать на квартиру и принести забытую книгу, подать воды, сказать, по наущенію его, какому-нибудь другому сильному «дѣурня» и т. п.

По какому поводу я попалъ въ кліенты Денисенка, рѣшительно не помню; но помню хорошо, чѣмъ я ему платилъ за его патронатство.

Я сказалъ, что онъ былъ почти въ сажень ростомъ, и сказалъ это не въ фигуральномъ смыслѣ. И Денисенко это очень зналъ, и ему очень нравилось показывать всѣмъ, что онъ почти въ сажень ростомъ; а чтобы было это всѣмъ очевидно, придумалъ такое средство. Станетъ, бывало, посреди класса, подберетъ фалды своего сюртука, раздвинетъ ноги: — «А ну», говоритъ, «Білокопитенко!... Дивітця, дивітця!» И всѣ школяры *дивлятця*, а я, сложивши руки на груди, тихо, тихо, не нагиная головы, прохожу межъ его ногами, какъ, во времена оны, проходилъ греческій корабль на всѣхъ парусахъ межъ ногъ Колосса Родосскаго.... И если я бывало пройду между Денисенковыхъ ногъ, не задѣвши ихъ ни головою, ни плечами, восторгу его не бывало конца! и я могъ послѣ этого напустить его на цѣлую толпу другихъ сильныхъ, съ увѣренностью, что онъ загонитъ ихъ всѣхъ подъ скамьи, и что ребрамъ и плечамъ ихъ сильно, сильно достанется. ...

Не правда ли, странныя были прихоти у Денисенка? Ну, подите жъ вы съ нимъ! Ужъ на роду, вѣрно, написано всѣмъ сильнымъ имѣть странныя прихоти!... Заступничествомъ, впрочемъ, Денисенка, я не долго пользовался — да оно, впрочемъ, не слишкомъ-то послѣ и нужно

мнѣ было, потому что съ Денисенкомъ исчезли какъ-то у насъ почти всѣ сильные.... Напроказили ли они сильно, или, можетъ быть, кому не понравилось, что люди вздумали поучиться уму-разуму хоть послѣ, коли прежде, въ свое время, этого не успѣли сдѣлать, — не знаю; но только они какъ-то всѣ, говорю, у насъ исчезли, — скоро послѣ поступленія моего въ школу. Ну, а всякому извѣстно: — сильныхъ въ школѣ нѣтъ, безсильные въ покровительствѣ не нуждаются.

Но я слишкомъ хватилъ впередъ! Воротимся снова назадъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ поступленія моего въ училище, снова явился ко мнѣ отецъ. Пріѣхалъ онъ очень рано, еще передъ разсвѣтомъ, — изъ чего, зная его обычаи, я тотчасъ догадался, что дома случилось что-то необыкновенное. Дѣйствительно, тамъ случилось важное событіе: въ мое отсутствіе помолвлена старшая изъ незамужнихъ сестеръ, — отецъ пріѣхалъ въ городъ за покупками, — свадьба должна быть чрезъ недѣлю.

Дождавшись разсвѣта, отецъ велѣлъ мнѣ одѣться и взять книги, нужныя для классныхъ уроковъ, и поѣхалъ со мною въ лавки. Чтò онъ тамъ покупалъ и какъ, — не буду рассказывать, потому что не намѣренъ рассказывать про свадьбу сестры. Не могу, однако, не передать сцены, бывшей при покупкѣ лентъ, или, лучше сказать, не могу не указать на черты въ характерахъ отца, какъ покупщика, и купца, какъ продавца, черты, обнаружившіяся по поводу этой покупки. Подобныя черты у нашихъ покупщиковъ и продавцовъ и теперь еще не рѣдкость.

Надобно, впрочемъ, сказать вамъ напередъ, что отецъ мой очень не любилъ дѣлать покупки и особенно не терпѣлъ разнаго мѣрянья, прицѣпки и прочихъ подобныхъ принадлежностей купли. Словомъ, онъ въ этомъ случаѣ былъ человѣкъ такого рода: нужно ему, бывало, чего-нибудь непременно, на примѣръ ситцу, чтò ли; и нужно, положимъ, десять аршинъ. »Дайте«, говорить, »такого и такого ситцу! Та небагато: мені треба десять аршинъ!« и какъ подастъ купецъ цѣлую штуку, и понравится ситецъ: »Гарний ⁽¹⁾!« говорить: »а скільки тутъ аршинъ?... Та годі мірити — такъ кажіть!

— Тридцять!

»Тридцять! А стоітця що?

— Сімнадцять!

»Сімнадцять!... Не сімнадцять, а пятнадцять?

Словомъ, почнется торгъ на глазомѣръ, за цѣлую штуку, или, гово-

(1) Хорошій.

ря точнѣе, не торгъ, а, съ одной стороны; *пяти́дцать, пята́дцать*; а съ другой: «Ну, безъ золотого!... Ну, безъ копѣй (безъ 20 коп., безъ 50 коп.)....» Потому что, надобно знать, если старикъ сказалъ цѣну,—не сдвинется съ нея, хоть бы изъ-за этого пришлось въ три-дорога заплатить въ другой лавкѣ. Развѣ бы сказалъ свою цѣну такъ себѣ, чтобы *довѣдати́ця ума у молодого кра́маря* ⁽¹⁾, или чтобы обмянуться шутками съ старымъ знакомымъ....

— И то грѣші! — скажетъ кунецъ...

»Чомъ же не грѣші? хорѣші грѣші! карѣованці—не жидівскі обрѣзанці, а пѣвні ⁽²⁾, — бумажки зъ свѣтомъ!«

И куניתъ старикъ такимъ образомъ ситцу цѣлую штуку; куניתъ, раззадорившись, еще штукъ нѣсколько; куניתъ и другихъ разныхъ разностей! Найметъ потомъ *три́убого* жида Гершка, съ бродячею его трупю, на нѣсколько недѣль, и обошьетъ всѣхъ лѣтъ на нѣсколько! И сдѣлаетъ въ заключеніе старикъ генеральную ревизію: «Гляди́ть же мені, бережи́ть, шко́дуйте ⁽³⁾! бо це вже», говоритъ, «го́ді ⁽⁴⁾! го́ді грѣші ма́рно ⁽⁵⁾ трѣтитъ на проклѣті ганчірки ⁽⁶⁾! Всѣ улыбнутся, выслушавъ такую рѣчь:—есть новые наряды... а вмѣстѣ и вздохнуть, потому что если старикъ сказалъ, то года два быть ве́смъ навѣрное безъ обновокъ.... И обратитъ потомъ старикъ рѣчь къ Гершку: «А ти,» говоритъ, «Ге́ршку, и въ двіръ бі́льше не загля́дуй; бо да́лебі ⁽⁷⁾, са́ломъ нагодю́!» Усмѣхнется Гершко своею добродушною *три́убою* улыбкою, приподниметъ правою рукою съ правой стороны яломокъ, поскребетъ надъ правымъ *пѣсикомъ*: «Гм, ну!... А къ великодню робѣта бу́де?» Проведетъ послѣ этого старикъ ладонью крѣпко у себя по лицу, отъ самаго лба до самой бороды: «Пронѣза, мо́ль, ти жиді́вська!» — «Бу́де жъ», говоритъ, «бу́де робѣта, якъ са́ломъ тебѣ нагодю́!» И закончитъ онъ свои похождения, по нелюбимымъ имъ *палестина́мъ* покупокъ и приготовленія для семьи нарядовъ, приказаніемъ подать графинчикъ, *покропи́ть* съ Гершкомъ новое платье, что́ тамъ еще покроено и пошито....

Таковъ былъ покойникъ старикъ въ этого рода дѣлахъ! не любилъ, крѣпко не любилъ нарядовъ, возни съ купцами, прицѣпизанья къ товарамъ, и т. д. и т. д. И если ужъ онъ былъ въ необходимости покупать, то покупалъ разомъ много, поскорѣе.

Такъ онъ хотѣлъ поступить и при покупкѣ свадебныхъ лентъ. Но

(1) Купца. — (2) Полные, т. е. необрѣзанные. — (3) Жалѣйте. — (4) Полно!
— (5) На пустяки, напрасно. — (6) Тряпки. — (7) Божба «Ей!»

не тутъ-то было! Купецъ, у котораго старикъ дѣлалъ закупки, былъ изъ тѣхъ украинцевъ-купцовъ, которые, увы! начинаютъ уже переводиться. Это былъ человѣкъ аккуратный въ высшей степени, даже въ мелочахъ; любилъ все дѣлать отчетливо, не спѣша. Онъ любилъ *добрѣтъ* свой процентъ и твердо на этомъ стоялъ, но никогда не позволялъ ни себѣ, ни своимъ приказчикамъ, никакихъ *недомірівъ*, *недовісківъ*, не позволялъ *заганя́ть* и *заверта́ть* цѣны, брать съ покупателя *лишню копію*.... Потому-что ему хотѣлось *одному* отправиться на тотъ свѣтъ, а не въ сопровожденіи этихъ *недомірківъ*, *недовісківъ*, *лишніхъ копійекъ*, и чтобы эти *недомірки*, *недовіски* и *лишні копійки* не выступили впередъ на Страшномъ Судѣ и не засвидѣтельствовали предъ лицомъ Бога и святыхъ ангеловъ его, что, молъ, «мы вонъ какіе и вонъ какіе; что, молъ, якъ тому-то долженъ бы пойти, а я у того-то остаться но что человѣкъ сей, на томъ, человѣческомъ, свѣтѣ, купцомъ Рудею звавшійся, не довѣсилъ насъ, не домѣрилъ, сорвалъ....» И чтобы, выслушавъ эти свидѣтельства, Богъ не велѣлъ итти ему въ геенну огненную... не схватили бы его нечистыя силы и не начали бы вѣчно руки мѣрять раскаленными аршинами, а несытую *нѣлку* ⁽¹⁾ набивать раскаленными копейками и горящими недомірками и недовісками.

— Покажіть ще мені, — говоритъ отецъ, накупивъ у купца разныхъ разностей: — стрічо́къ весільнихъ ⁽²⁾, етѣжо́къ!

Купецъ досталъ огромный пукъ пунцовыхъ и розовыхъ лентъ всевозможныхъ оттѣнковъ и ширины; между ними путались ленты и другихъ цвѣтовъ; отецъ взялъ, повертѣлъ въ рукавъ: «Та тутъ», говоритъ, «есть и невесільні.... Оди́на́къ да́рма ⁽³⁾, въ хазійствіі пригодѣтця! А що стої́тця ⁽⁴⁾ сей жмутъ ⁽⁵⁾? та скоріше, бѣдьте ласкави, бо ніколи!

Купецъ, уступавшій до-сихъ-поръ отцу въ другихъ покупкахъ, зная болѣе или менѣе на память мѣру своихъ товаровъ, тутъ рѣшительно воспротивился продажѣ глазомѣромъ.

— Якъ можна — скоріше! — говоритъ: — тутъ треба помі́рять: не папамятѣ́еся ⁽⁶⁾ всѣго!

И пошли спорить! Отецъ говоритъ, что тутъ на полдня будетъ мѣрять, безъ мѣры дѣло пойдетъ скорѣе; а тотъ — что безъ мѣры не продаетъ, своего напрасно потерять не хочетъ и чужимъ воспользоваться не желаетъ. Спорили, спорили, и дѣло кончилось тѣмъ, что купецъ пре-

⁽¹⁾ Глотку. ⁽²⁾ Свадебныхъ. ⁽³⁾ Но ничего! ⁽⁴⁾ Стоить. ⁽⁵⁾ Пукъ. ⁽⁶⁾ Нельзя помнитъ.

доставилъ отцу взять ленты, — тамъ ихъ, дома у него, помѣряють, а поргуются и расчитаются, когда отецъ пріѣдетъ на масляenskую ярмарку.... А купцу отецъ былъ не то: что называется знакомый покушникъ это я положительно знаю!

Отецъ согласился на сдѣлку, но заставилъ купца взять, въ обезпеченіе уплаты, *білу бумажку* (25 р. асс.).... И отцу купецъ тоже былъ не то, что называется знакомый купецъ, и это я положительно знаю!...

Этотъ случай, котораго я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, не знаю почему, привелъ мнѣ на память обычай, бывшій, конечно въ низшихъ слояхъ общества, у насъ повсемѣстнымъ въ старину, какъ рассказываютъ наши сторожилы, — именно обычай, въ слѣдствіе котораго тяжущіеся обыкновенно ѣздили *въ судъ* вмѣстѣ и на одной повозкѣ, то-есть, на одной повозкѣ и истецъ и отвѣтчикъ, пожалуй и съ свидѣтелями обѣихъ сторонъ.... Ѣдучи вмѣстѣ, ѣли и пили водку, толковали о своей тяжбѣ, высказывая свои шансы и ожиданія.... Рассказывавшіе мнѣ про этотъ стародавній, обычай старожилы наши всегда присовокупляли, что, въ слѣдствіе такого обычая, тяжба не изгоняла между тяжущимися всякихъ другихъ отношеній, не поглощала между ними всего и не поселяла той ненависти, какую обыкновенно поселяетъ тяжба между нами въ настоящее время. Сверхъ того, по замѣчанію старожилонъ, часто случалось, и особенно, при участіи въ поѣздкѣ и свидѣтелей, что, доѣхавъ до какого-нибудь хутора или села, остановившись въ немъ кормить лошадей, и выпивъ за *побуднемъ* или за *сиданьямъ* по двѣ, по три чарки, веселящей сердце человеческое, *тибі іаспидьскоі, розіуторятци*, объяснялись, обнимутся, поцѣлуются и воротятся домой, плюнувши туда, назадъ, на свой слѣдъ: «Нехай, мовъ, западутьця вони, тіі позві, зъ судами ёму и зо всімъ!...

Покончивъ съ купцомъ, отецъ взялъ пукъ лентъ и распорядился съ нимъ, какъ распорядился съ пукомъ засаленныхъ ассигнацій Константинъ Ѳедоровичъ Скудровжогло, врученныхъ ему заѣзжимъ кулакомъ въ сибиркѣ, т. е., не глядя на него, прехладнокровно сунулъ въ карманъ, — только не въ задній карманъ и не своего *сюртука*, а въ находившійся съ боку карманъ синяго *каптана*....

Послѣ этого, отецъ отвезъ меня въ училище и, высаживая тамъ изъ саней, сказалъ, что онъ еще увидится со мною. Дѣйствительно, черезъ часъ онъ пріѣхалъ проститься и, прощаясь, объявилъ мнѣ, что въ

пятницу, на слѣдующей недѣлѣ, пришлетъ за мною лошадей, взять домой на свадьбу, что смотритель уже согласился на это...

Можете представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этой пятницы!... А вечеръ наканунѣ!... Случалось ли вамъ самимъ, помните ли?

Какъ въ чадѣ какомъ-то вы: укладываете вещи, прислушиваетесь, — авось сегодня еще прїѣдутъ!... А тутъ и урокъ еще назавтра: »Что есть покаяніе?... Покаяніе есть.... А жилетикъ!« вскрикиваете, вспоминая, что его-то и не уложили. ...

И такъ вы отъ связки съ вещами къ книгѣ, отъ книги къ связкѣ... а тамъ къ дверямъ: кажись въ сѣняхъ что-то стукнуло....

А эти томительныя ночи наканунѣ, помните ли? Сонъ не идетъ, думаете, что тамъ дома будетъ, — мать....

— А ну, забудутъ прислать лошадей?... вдругъ приходитъ вамъ на мысль: — или лошади захромали?... »Нѣтъ«, отвѣчаете рѣшительно: »не забудутъ, не захромали....«

— Однако? и переворачиваетесь на другой бокъ. — Или смотритель скажетъ.... Ну, что же онъ скажетъ?... Ну, скажетъ: »не ѣзди, да и полно!...« Или — *Аранъ білий прїйде?*...

Переворачиваетесь снова.

— Нѣтъ, *загадаю!* наконецъ рѣшаете вы — надо же этимъ несноснымъ предположеніямъ положить конецъ!...

»И поднявшись на постелькѣ, вертите указательными пальцами и потомъ ихъ сводите, — со всею силою желанія, какъ-бы они столкнулись.

Мимо!...

»Да вѣдь нужно три раза загадать!...

Снова вертите, снова сводите, зажмуривъ глаза, — какъ-будто въ темнотѣ можно что увидѣть.... Попали!

»Я такъ и думалъ!

Гадаете въ третій разъ, и какъ въ третій разъ вышло мимо, гадаете *трижды-три*, на томъ основаніи, что вы не думали, о чемъ гадаете.... а думать непремѣнно надо.

И такъ волнуется и волнуется ваша дѣтская душа — долго, долго!... И долго мечетесь вы съ боку на бокъ въ постелькѣ, пока сонъ не налетитъ какъ-нибудь нечаянно-нежданно, какъ-нибудь съ-размаха, въ промежутокъ двухъ душевныхъ ощущеній, когда одно не успѣло еще смѣниться другимъ.... не налетитъ и какимъ-то тяжелымъ угаромъ не прикуетъ къ подушкѣ накалившуюся отъ бессонницы и тревожныхъ мы-

слей вашу головку, а раскаленную вашу фантазію не пустить на свободу: пусть, молъ, пока! И во снѣ ему разные *Бѣлые Араны* пальцами вертятъ подъ носомъ: »Не пришлютъ по тебѣ лошадей, — отецъ забылъ, — захромали, и ты — въ школу, въ школу!...« И такъ — долго, долго, пока мало-по-малу угаръ не испарится, фантазія не уляжется, и вашего существа не начнетъ обвивать сонъ легкими покровами....

А какъ легко просыпаться послѣ такого сна!... Остался только день, только одинъ день!... И сколько хитростей вы употребляете потомъ съ этимъ днѣмъ, чтобъ онъ ушелъ себѣ поскорѣе.... Вы ужъ обзавелись на квартирѣ собственнаго изобрѣтенія солнечными часами: дойдетъ тѣнь отъ коморы до этого мѣста — *такая* пора дня, дойдетъ сюда — *такая*; а знаете навѣрное — не смотрѣть на тѣнь, день уходитъ скорѣе....

»Ну«, говорите, »не буду смотрѣть! Сначала насчитаю тысячу, потомъ палецъ возлѣ пальца оборочу тысячу разъ, потомъ.... ну, потомъ и посмотрю!

И считаете тысячу, вертите палецъ вокругъ пальца тысячу разъ.... стараетесь дѣлать это какъ можно медленнѣе, а между тѣмъ, несносная тѣнь — ну, какъ нарочно!...

Впрочемъ, на этотъ разъ судьба была ко мнѣ благосклонна.... Дѣло вотъ какъ случилось:

Просыпаюсь въ пятницу (я спалъ на лавкѣ у *покуття*). Хома — за *верстаттю*, свѣча подъ *начиннямъ*, — словно мальчишка на верёвочной качелѣ, — ярко освѣщаетъ заднюю стѣну, нагнувшуюся надъ *роботою* ⁽¹⁾ соломенную Хоминѣ покрывку.

Хома тчетъ: човникъ ⁽²⁾ играетъ, *начиння* танцуетъ, *шайда* въ ладоши похлопываетъ.... Хома работаетъ руками, Хома работаетъ плечами, — носомъ, губами, соломенную покрывкою.... работаетъ, противъ воды будто плыветъ, болтая ногами тамъ, подъ верстатю, въ полумракѣ, словно въ темной влагѣ рѣчныхъ зыбей....

Возлѣ Хомы, у печки на лавкѣ, лысиною къ хатѣ, — такъ знаете, по домашнему, — съ необутыми ногами, сидитъ мужъ браней первой четверти настоящаго столѣтія, — цѣвки сѣче.... Забывъ про свое военное и унтеръ-офицерское званіе, и отложивъ, такъ-сказать, въ сторону

⁽¹⁾ *Робота* — работа; но въ ткацкомъ дѣлѣ, *робота* — основа на верстатѣ, — словомъ, то, что ткуть. Напомню при этомъ читателю, для лучшаго уразумѣнія картины, что верстатъ у насъ помѣщается обыкновенно за печкою, гдѣ бываетъ *пѣч*, переднею частію къ хатѣ. — ⁽²⁾ Челнокъ.

и свой, нікуда негодный, тесаць, и свое, нікуда негодное, ружье, мужь браней предається занятіямь мирнаго гражданина, — предається со всею любовью праведной души, проведеншей, можетъ быть, цѣлую половину своей жизни въ бездѣльи, и со всею внимательностью души, малоопытной въ подобномъ занятіи и притомъ имѣющей предъ собою такого знатока-судью, каковъ Хома.... Носъ его, губы, подбородокъ, бакенбарды, — все его добродушное лицо, вытянулось впередъ, съуживается.... превратилось въ какое-то мышиное рыльце, быстро и пугливо обнюхивающее подвергнувшееся лакомство.... или какъ-будто, вмѣсто головы у героя браней, рука съ пятью пальцами, и эти пять пальцевъ протянулись къ станку, *пѣчкою* ⁽¹⁾.... что-то снять съ него хотять.... но что-то сзади мѣшаетъ, толкаетъ подъ локоть.... Станокъ гудеть, клубокъ въ *обычайці* ⁽²⁾, словно двадцать чертей гонять его кнутами, — мечется какъ угорѣлый, скачетъ, кувиркается....

За спиною у героя торчать съ печки ноги Усти, а надъ лысиною — рыжій котъ свѣсилъ съ *кѣміна* ⁽³⁾ голову, и внимательно слѣдить за работою....

Въ сторонѣ отъ героя, предъ истопленною жарко печью, — хозяйка, съ лицомъ, тоже какъ-будто жарко истопленнымъ и накаленнымъ до-красна: сидитъ на скамейкѣ, беретъ одинъ за другимъ лежащіе возлѣ, на столѣ, на чистыхъ подушкахъ, *буханці* ⁽⁴⁾, и посылаетъ одинъ за другимъ въ печку....

Всторонѣ отъ хозяйки, въ темномъ углу, *кто-то*, изъ деревни вѣрно.... вѣрно, дрова хозяйкѣ привезъ, муку.... или, можетъ, кто изъ родичей хозяина заѣхалъ.... должно быть, дремлетъ, — то и дѣло, кланяется хозяйкѣ и печкѣ....

Я зѣвнулъ — о-хо-хо-хъ! славно, молъ, выспался!... потянулся и поднялся на постели.... При моемъ зѣвкѣ все въ хатѣ притихло, а рыжій насторошилъ уши.... и удостовѣрившись, что они его не обманули, перекинулся на спину и протянулъ ко мнѣ свои лапы....

»А щѣ, — говоритъ Хома, отводя въ сторону свѣчку съ качелею и

(1) *Пѣчки* — оконечности пальцевъ. Взять *пѣчкою*, *пѣчками*, — взять оконечностями пальцевъ, и большею частію — взять осторожно; взять *пѣчкою*, *пѣчками* — очень осторожно, вѣжно.

(2) *Обычайка* — обручъ у сита или у *рѣшета*. Въ *обычайку* кладутъ клубокъ, чтобы не закатывался далеко.

(3) *Кѣмінг* — верхняя часть печки. — (4) Булки.

выставивъ свое добродушное лицо: — А що, — говорить, — тобі снилось?...

— Нічого!

»Якъ—нічого? Може, снилось, що прислали?...

— Ні! — подхватилъ герой браней, выпуская съ руки *сучокъ* ⁽¹⁾, насупливаясь и какъ-будто чего ища вокругъ себя, — знакъ, что былъ въ очень сильномъ юмористическомъ настроеніи: — Ні, — говорить, — ёмѹ снилось, що не буде зъ нами обідать!... безъ обіду буде!...

»Безъ обіду не буде!« перебиваетъ хозяйка: »я ёмѹ буханецъ дамъ...»

Рыжій, тѣмъ временемъ—съ *комина*, на печку.... царанулъ мимоходомъ Устю по ногѣ, и на плечо къ герою — »Брысь! тьфу!« — на верстать, на лаву, и ко мнѣ на колѣни.... тернулся разъ головою и бокомъ мнѣ о грудь, въ другой разъ махнулъ сюда-туда хвостомъ, задѣвая меня по лицу и по носу, и опрокинулея вверхъ ногами....

»Довго-жъ ти спишь, Васильку! — отозвался наконецъ и тотъ, изъ угла.

— Грицько!...

И я — съ постели, на полъ, къ Грицьку на колѣни и принялся цѣловать его въ усъ, въ *чуприну*, въ щоки....

И всегда такъ случалось со мною въ дѣтствѣ: Радости и печали приходили ко мнѣ какъ-то нечаянно, не оттуда, откуда я могъ ихъ ожидать, или не тогда, когда онѣ должны бы, по моему разсчету, прійти. Разсчеты мои, въ этомъ отношеніи, всегда какъ-то оказывались невѣрными. Въ одномъ только расчетъ мой всегда былъ вѣренъ: если я предполагалъ, что радость мнѣ не пройдетъ даромъ, что позже или раньше я долженъ порядочно за нее поплатиться. Впрочемъ, у меня оказывался вѣрнымъ еще слѣдующій расчетъ: если, бывало, мнѣ приснятся ночью вьюны, и на этомъ основаніи я рассчитывалъ на *палі* ⁽²⁾ — непременно сбывалось!...

(¹) Ручка, которою приводится въ движеніе сукальный станокъ.

(²) Удары линейкою по рукѣ.

(Продолженіе будетъ.)

ПЛАЧЪ РОССІЙСКІЙ.

Стихотвореніе подъ этимъ заглавіемъ найдено мною въ рукописи, принадлежащей библіотекарю С.-Петербургской Публичной Библіотеки, А. О. Бычкову, писанной въ полулистъ и оправленной въ кожу. Это сборникъ, составленный въ началѣ XVIII вѣка на польскомъ, латинскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. По содержанію статей, видно, что онъ принадлежалъ какому-то духовному лицу. На предпоследнемъ листѣ рукописи (которыхъ всего 29) обозначенъ 1718 годъ, въ который сдѣлана копія. За тѣмъ слѣдуетъ предлагаемое стихотвореніе. Не рѣшаюсь опредѣлять, когда именно оно сочинено, но видно, что относится ко временамъ колебанія Украины между Московскимъ государствомъ и Польшею. Какъ выраженіе духа времени, вражды партій и понятій духовенства о Польшѣ и Россіи, оно заслуживаетъ вниманія. Подобныхъ сочиненій ходило много по рукамъ, и они поддерживали въ народѣ вражду ко всему польскому, пережившую въ немъ и самыя воспоминанія о борьбѣ за личную независимость съ вельможною шляхтою. Я сохранилъ въ точности правописание подлинника, такъ-какъ оно можетъ повести къ разнымъ соображеніямъ о мѣстѣ и времени сочиненія этихъ виршъ. Не могу не указать мимоходомъ на безсиліе выраженія и отсутствіе поэзіи въ этомъ произведеніи подавленной схоластикою семинарской музы, сверетницы свободной музыки народной, которая и до, и во времена, и послѣ Богдана Хмельницкаго производила столько пѣсень и думъ, дышащихъ вѣчною свѣжестью и красотою.

П. Кулишъ.

20 января 1861.

С.Петербургъ.

О Боже мой милостивій!
возри на плачъ мой ревнивій.
Где бѣдница есть такая,
якъ я россія малая?
Всѣ маткою называютъ,
а не всѣ за матку мають;

Другій хочетъ загубити,
въ ложцѣ води утопити.
Бо чи треба горшой муки,
якъ подати ляхомъ въ руки?
Давно вони острать зуби,
давно моей пщуть згуби.
А ви, дѣтки, якъ чужин,
садите їхъ мнѣ на шин.
Отъ якъ скоро все забули,
что видѣли и что чули,
Якъ под тими ворогами
стогнала я тяжко зъ вами!
Стогнала я, ни отради
не мѣючи, ни поради,
Коли жиди проклятіе
держали церкви святыє,
А отъ святой креста банѣ
витягали у насъ данѣ.

І тоє все вже би стало,
щобъ имя наше пропало,
Еслибъ Богъданъ, мужъ избранный,
не билъ отъ бога намъ даній.
Той стеръ сѣмя проклятое,
зскинуль зъ мене ярмо злое,
И за мудримъ самъ совѣтомъ
поставилъ подъ крипкимъ щитомъ,
Подъ рукою царей славнихъ,
самодержцовъ православныхъ.
А ви, дѣтки, ахъ, утѣха,
прошлого зхотѣли лиха.
Еще я крилъ не простерла,
еще и слезъ не оттерла,
А вамъ, дѣтки, жалко стало,
що я оддихнула мало.
Охъ мнѣ бѣда! дѣтей лаю,
не знать што зъ жалю гадаю.
Ой не сини, ой не дѣти
хощутъ мене загубити.
Ляхолюбци, лихолюбци,
тии мои, тии згубци!
Якъ саранча налетѣли,
доми, церкви посквернили.
Куда пойдѣмъ — ляховъ хвалѣть,
вѣрнихъ тилько що не палять,

Простимъ уши набивають,
 лихимъ ядомъ заражаютъ.
 Безъ хвалъ людскихъ анѣ слова:
 идать, чи пють — о ихъ мова.
 Знайте жъ, дѣтки родиміе,
 якъ ви имъ же любиміе.
 Идать и пють и гойнують,
 однакъ нѣ вчомъ не смакують.
 Що людское, то имъ смачно (!),
 хочъ ладащо, то имъ вдячно.
 Хощуть бути униѣти,
 папу въ ногу цѣловати.
 Къ ляхомъ весь духъ, вся охота;
 то имъ мудрость, то и цнота.
 Тии теперъ хощуть цѣло
 привести замисль свой въ дѣло.
 Тии мене загубити
 мислять, — не ви, мои дѣти.
 Да и на васъ парѣкаю
 и на самихъ васъ жаль маю,
 Що зъ такими дружба ваша,
 а невдячна любовь наша.
 Що видите у ихъ мосцѣ,
 опрочъ дурной хвальшиносцѣ?
 Що миѣ за синь, що зъ врагами
 сердце его, а не зъ нами?
 Не той то синь миѣ здажився,
 що въ моемъ дому родився;
 Нехай приїде и за свѣта
 да миѣ жичить многа лѣта;
 Той миѣ будетъ синь родимій,
 не иначе, якъ любимый.
 Осе жъ, дѣти, ви глядѣте,
 ляхолюбцевъ не любите.
 Поти добра въ насъ не буде,
 поки у насъ сіи люде.
 Нехай идуть на сухѣй лѣсъ,
 куда зоветъ ихъ гордій бѣсъ,
 Нехай идуть славить папу
 — — —
 Нехай же имъ безъголовя,
 а намъ живучи на здоровья. Finis.

(!) Въ подлинникѣ — *вдячно*, но это, очевидно, описка.

РІЗДВЯННІ СВЯТКИ.

ПИСЬМО 2-е.

БАГАТА КУТЯ.

Пойдемте-ка сегодня, друзья мои, на рѣку... да пойдемъ пораньше, очень рано!.. этакъ-вотъ, какъ вторые щѣтухи пропоютъ... Сегодня Багата кутя, сегодня день тамъ, на рѣкѣ, начинается, — такъ чтобы чего не прозѣвать! И не на большую какую рѣку пойдемъ, на Дитирь, что ли, — нѣтъ! для дѣла, конечно, все равно; но на большихъ рѣкахъ зимою только гладь да гладь снѣжная: скучно тамъ въ это время, особенно ночью — ничего нѣтъ возлѣ, жизни никакой, движенія никакого. Пойдемте лучше на Сулу или Псѣль, или еще лучше, пойдемте на Удай или на Оржицу какую: тутъ тоже иногда между берегами версты двѣ-три; но посрединѣ не рѣдко виднѣется большой островъ, а на острову — большой лѣсъ: ужь и разнообразіе! Притомъ, часто случается, что вся эта двух-верстная, трех-верстная ширина, вплоть отъ берега до берега, очеретѣ да лозы, съ узкимъ только, главнымъ, ложею рѣки посрединѣ, да съ густою затѣйливою сѣтью дорогъ, дорожекъ, прогалинъ, *ровівъ*, *ривчаківъ* (каналовъ, канальчиковъ), *бакаівъ*, *ковбѣтъ* (ямъ въ болотѣ) и т. д., на остальномъ пространствѣ....

Вотъ мы спустились съ горы, вотъ мы уже углубились въ этотъ лабиринтъ перекрестковъ, поворотовъ, излучинъ, тѣсныхъ проходовъ.... Тутъ вотъ очеретъ выровнялся, вдоль тропинки, высокой, темной стѣною, а тутъ нависла цѣлая трущоба кустовъ лозы, курчавыхъ, растопырившихся, перепутанныхъ, словно чортъ туда вскочилъ и метался тамъ, какъ угорѣлый, три дня и три ночи, чтобы добрымъ людямъ и толку нельзя было добраться!.. вотъ *вѣрша* темнѣется вдали на снѣговой кучѣ, словно изъ чернаго мрамора памятникъ на бѣломъ пьедесталѣ... а вотъ озябшей

бабой скорчился и надулся на снѣгу стогъ сѣна!... И такъ тихо-тихо кругомъ: заяцъ развѣ, испуганный ходьбою, пырнетъ изъ болотной кучы и промчится гдѣ-то мимо.... будто легкій вѣтерокъ всколебалъ воздухъ и легкой струйкой пронесся туда-вотъ, дальше и дальше, по верхушкамъ осоки и мягкаго *осітнягу*... или ледъ гдѣ треснетъ отъ морозу... послышится изъ лѣсу глухой шумъ вѣтвей отъ испуганной птицы и посыпавшагося затѣмъ снѣга... долетитъ оттуда, съ горы, сонное тавканье какого-нибудь Барбоса, которому во снѣ пригрезился волкъ.... А вокругъ васъ воздухъ чистый-чистый, легкій, какъ юношескій сонъ предъ разсвѣтомъ, или легкая ноша жизни счастливца... а надъ головами звѣзды надушіяся ⁽¹⁾, словно красавицы мои землячки, когда отъ Іордани рассыплются домой.... Боже, какъ тутъ и въ зимнюю ночь хорошо!...

Но вотъ мы и на рѣкѣ!... Бѣлая, снѣжная полоса вьется въ темнотѣ по-межъ лозъ и очеретовъ, изрѣдка перерѣзываемая поперегъ торчащими, словно зубья гребня, колыями *ізіківъ*, да покрытая продольными рядами снѣговыхъ купъ, *духівъ*.... ⁽²⁾

Тихо; еще никого нѣтъ! на рѣкѣ. Неужели еще спать до сихъ поръ *рибáлки*? А посмотримъ туда, на гору, на село!.. Нѣтъ, вы не туда смотрите: это темнѣетъ Никонова *стінка* ⁽³⁾, тамъ ничего не увидите... Смотрите туда, дальше: вонъ ровная полоса, это—*водопіло* (спускъ къ водою)... дальше, вонъ что-то *буваніе*, это живутъ Коржі... а вотъ, дальше, блеститъ, словно волкъ въ темнотѣ очами *світить*, — это въ Калѣниковой хатѣ *світитця*... Но — тише!...

Слышится вдали мѣрный скрипъ чьихъ-то шаговъ по снѣгу, тамъ, по направленію къ селу, — и отъ времени до времени раздаются мѣрные удары чѣмъ-то металлическимъ въ ледъ.... О, это *рибáлка*, непремѣнно *рыбалка*!.. твердый, мѣрный шагъ по льду въ эту пору, и въ то же время проба прочности его ударами *плешні*—только *рыбалка* въ ночную пору будетъ такъ смѣло ступать по льду этихъ болотъ и только *рыбалка* бываетъ такъ остороженъ съ ними, что какъ онъ хорошо ихъ ни знаетъ, а все таки отъ времени до времени пробуетъ плешнею напередъ, *не ви-*

⁽¹⁾ О звѣздахъ, если онѣ не свѣтятъ ярко, Украинцы говорятъ, что онѣ *попадавались, понапухали*.

⁽²⁾ *Ізіківъ* — запруда рѣки для ловли рыбы; *духъ* — прорубь, тоже для ловли рыбы. Духъ закрывается обыкновенно конусообразною кучею снѣга.

⁽³⁾ Роща, расположенная по отлогости горы.

мерзла ли гдѣ вода, не *підпарило* ⁽¹⁾ ли гдѣ, нѣть ли гдѣ *опаря*, или брошеннаго и незамерзшаго *дѹха*?...

Да, это рыбалка, дѣйствительно рыбалка! Слышите—собака у него только теперь залаяла? Собака такъ-себѣ какого-нибудь моего земляка, очутившись въ ночную пору въ лозахъ и очеретахъ, то и дѣло, что лаяла бы, — на свѣту много заячьихъ, лисьихъ и волчьихъ слѣдовъ и ей бы вездѣ видѣлись зайцы, лисицы и волки; притомъ, *посміттюшокъ* (птички) выгоняла бы изъ болотныхъ кунъ, а можетъ, гдѣ-нибудь и въ самомъ дѣлѣ выскочилъ бы заяць. Но собака рыбалки идетъ тихо: она собственнымъ и долговременнымъ опытомъ убѣдилась, что лаять на болотѣ на всякій заячій, лисій или волчій слѣдъ, бѣгать и кричать при видѣ посміттюшки или зайца, — это значило бы напрасно только надрывать себѣ грудь и ноги. Она залаетъ только тогда, когда дѣйствительно почуетъ близко звѣря, или чужого человѣка....

Но вотъ шаги все ближе и ближе, и шагахъ въ десяти отъ насъ, изъ-за ближайшаго куста лозы, вырѣзались наконецъ, на фонѣ рѣчной полосы, сперва лающая собака, а потомъ высокая человѣческая фигура, вся въ стромъ, въ *шанці-майрці*, въ коротенькой *світці* поверхъ коротенькой *кожущанки*, въ суконыхъ шараварахъ, длинныхъ сапогахъ, съ *сокірою* за поясомъ, съ *торбою* черезъ плечо, съ лопатою въ лѣвой рукѣ и съ длинною плешнею въ правой... Завидѣвши насъ, человѣческая фигура обратилась къ лающему животному и ласково сказала: »молчи, Мѹшка, свои!« и по кличкѣ собаки, и по голосу ея владѣльца, мы узнаемъ Нестора всѣхъ рыбалокъ села Ріжківъ, семидесятилѣтняго Каленика, по отчеству Даниловича, по прозванію Перегрѣя.

— Добридень, чи добридосвітокъ! — привѣтствовалъ насъ старикъ.

»Здоровіи були, Даниловичу!«

— Бѹдьте здорові зъ Багатою Кутею!

»Спасибі, бѹдьте й ви здорові!«

— А шо, порѣ вже прийматьца за діло!

»Порѣ, порѣ, Даниловичу! порѣ!...«

— Порѣ, порѣ!

И положивши плешню на ледъ, перекрестившись и взявши въ обѣ руки лопату, Даниловичъ принялся за дѣло, и своими семидесятилѣтними ру-

(1) Т. е., не подогрѣло ли гдѣ снизу льду. Подогрѣваніе такое бываетъ особенно на такъ-называемыхъ *прогнѣяхъ*. Если ледъ подогрѣтъ уже до такой степени, что въ немъ образовывается промоина, болѣе или менѣе замѣтная, то является *опарь*.

ками открылъ на Рожкивскихъ болотахъ святой день Багатоу Кути — и для села Рожкивъ, и для села Хвоцивъ, и для хутора стараго и веселаго Череваня, и для всѣхъ селъ и хуторовъ на пятнадцать верстъ въ окружности....

Но оставимъ Каленика, а съ нимъ и всѣхъ земляковъ моихъ рыба-локъ! пусть они открываютъ лопатами *духи*, вытаскиваютъ изъ воды *кобзи* и *верши* (рыболовные снаряды изъ тонкихъ прутьевъ), вытрушиваютъ изъ нихъ вьюновъ, карасей, шукъ и т. д.: все это болѣе или менѣе обыденныя вещи зимняго рыболовства и насъ сегодня не касаются. Намъ нужно было только посмотрѣть, какъ и кѣмъ начинается у насъ день Багатоу Кути: увидѣли, — домой пойдемъ теперь и соснемъ немного, потому что начнеть разсвѣтать еще нескоро, да и всѣ еще спятъ. Сегодняшній день не вчерашній, и сегодняшній *досвѣтокъ* не вчерашній: вчера всѣ обыкновенныя работы закончены, сегодня можно поспать подольше.... А пока дойдемъ, — такъ сказать, на сонъ грядущій, я вамъ разкажу вотъ-что...

Въ обыкновенное время, рыбаки наши, потрусивши рыбу, оставляютъ свой рыболовный *посудъ* почти всегда на рѣкѣ, тамъ же у *ізківъ* и *духівъ*: «У насъ щобъ тее... щобъ хто іноді чужий собі... крий Бігъ!» развѣ иногда, какъ говорится, «панщина затѣшетця» (панскіе люди до нихъ доберутся). Но на Багату Кутю они забираютъ его весь домой: наступаютъ праздники — кто же станеть ловить рыбу въ это время! Къ тому жъ, впереди столько свободнаго времени — можно, что нужно, въ снастяхъ починить, передѣлать; ну, да и то сказать, праздниками по *лѣдяхъ* столько шляется парубковъ, дѣвчатъ и такъ всякаго веселаго народу — *ковзаютця*, зъ *колядками* *ходять* и т. д., обуяеть шаль кого, натащить вершу на голову, или нацѣпить кобзу черезъ плечо, — офицеръ-де онъ въ киверѣ, и къ дѣвчатамъ, дескать, пришло погулять; или бандуристъ или *рільникъ* онъ съ бандурою или *рѣлею* (лирою), компанію пришло потѣшить, и — гу, гу! пошла въ догонку вся веселая толпа по очеретамъ и по всѣмъ загогулинамъ за офицеромъ въ киверѣ или за бандуристомъ съ бандурою!.. и поминай вершу или кобзу, какъ звали!...

Раскажу вамъ еще вотъ-что!

— Рыбалки наши, въ обыкновенное время, оцѣниваютъ достоинство улова, какъ и всякіе другіе рыбаки, т. е. по количеству пойманной рыбы, по качеству ея и по величинѣ; но въ день Багатоу Кути для оцѣнки его принимается ими другая мѣрка. Чтобы лучше вы могли

понять значеніе ея, этой мѣрки, надобно вамъ сказать, что въ день Багатої Куті, во всей почти Украинѣ, употребляется въ пищу почти исключительно одна мелкая рыба, т. е. мелкихъ породъ. Какая этому причина, я, можетъ быть, постараюсь объяснить ниже, а здѣсь довольно намъ знать, что у насъ такой обычай, и что этотъ обычай до того у насъ соблюдается, что, не смотря на нашу любовь къ рыбѣ вообще и къ рыбѣ большой въ особенности, не смотря на то, что мы и при всякомъ удобномъ случаѣ стараемся запасѣсь любимымъ нашимъ лакомствомъ, а тѣмъ болѣе для дорогихъ намъ почему-либо дней, не смотря, говорю, на все это, даже тѣ изъ насъ, которые побогаче и имѣли бы полную возможность достать, напримѣръ, хоть свѣжаго осетра, даже и тѣ, у которыхъ стародавніе обычаи начали ужъ понемногу ослабѣвать, все мы ѣдимъ на Багату Кутю рыбу мелкихъ породъ, и именно ѣдимъ больше всего щуку и карася, особенно первую, такъ-что безъ щуки и кути бываетъ у насъ *цѣрава* (остриженная, окарианная), и хозяйка безъ щуки не можетъ выступить во всемъ блескѣ своего умѣнья сваряжать для Багатої Куті *вечѣрю*. Послѣ щуки и карася больше всего годится у насъ для Багатої Куті — *лнѣ*, за лнѣмъ слѣдуютъ окунь и плотва, и только совершенный недостатокъ такой рыбы принудить моего земляка обратиться къ другимъ породамъ, пли же крайняя его бѣдность заставить его ограничиться одними вьюнами. Послѣ этого, понятно, я думаю, для васъ, какою мѣркою въ день Багатої Куті оцѣнивають мои земляки-рыбалки свой уловъ! — «А що, Даниловичу, спрашиваєть Каленика Переграя Федоръ Ополонка, когда рыбалки возвращаются домой послѣ своей ловли: — яковѣ (каково? т. е. какой уловъ у тебя? Земляки мои вообще не любятъ разглаговльствовать широковѣщательно, любятъ выражаться сжато, покороче, лишь бы ихъ поняли)?» — «Та слава Богу! нічого! *сѣгоднішнѣй* такі вѣало чимало (сегодняшней, т. е. нужной для сегодняшнего дня, поймалось таки довольно).» — «А въ мене, — замѣчаетъ со вздохомъ Федоръ Ополонка: — тільки на́ра щупеля́ть, ато все одинъ у́юнь наго́ло!»

Скажу еще вамъ въ заключеніе, что рыбаки наши, возвращающіеся въ обыкновенное время съ рѣки домой врозь, когда кто дѣло свое кончить, не поджидая другъ друга, — въ день Багатої Куті отступаютъ отъ общаго правила и возвращаются кучами, съ своими сосѣдями, близкими и далекими: до разсвѣта еще не скоро, и время теперь свободное, можно поговорить, можно разспросить, кому и сколько *вѣало сѣгоднішнѣй*. Это и интересно для рыбалки, и необходимо, чтобы знать, какъ

распорядиться съ излишкомъ пойманной имъ рыбы. Тутъ же пересказываютъ рыбалки другъ другу разныя свои рыболовныя *приведѣнціи*, тутъ же преподаются, молодымъ и неопытнымъ, испытанные долготѣною практикою разныя приемы рыбной ловли, и рассказываются несвѣдущимъ такія *приведѣнціи*, слухи о которыхъ разносятся молвою, также стоустою и у насъ какъ и вездѣ, иногда на далекія-далекія пространства, и память о которыхъ сохраняется иногда мѣстнымъ рыболовнымъ преданіемъ до внуковъ и правнуковъ. Рассказывается, напримѣръ, какъ въ одномъ мѣстѣ появилось зимою что-то; что это *что-то* черное и живетъ въ рѣкѣ; что рыбалкамъ не разъ случалось видѣть издали, какъ оно вынырнетъ изъ ополонки и ѣсть на льду рыбу, а приблизится рыбалка — *что-то* въ воду.... Къ этимъ дѣйствительнымъ происшествіямъ, бабы начали приплетать и созданія своей трусливой фантазіи: что, дескать, и посудъ рыболовный оно воруетъ, и дѣлаетъ добрымъ людямъ разныя пакости, что и перекидываетъ оно въ рыбалку и заводитъ заблудившихся путниковъ въ промоины и т. д. Просто, чортъ, да и только! только какой-то особенный чортъ, изъ чертей чортъ, «мабудъ чи не самъ чортівъ батько», потому что и холоду не боится и для зимовли выбралъ, *бісівъ синъ*, мѣсто подъ льдомъ, тогда какъ всякому доброму человѣку извѣстно, что черти, — обыкновенные, т. е. черти, вотъ что вездѣ водятся у крещенаго люду, — тѣ холоду боится и на зиму изъ рѣкъ и болотъ выбираютъ ⁽¹⁾.... словомъ, въ болотѣ черти *літують* только (слово *літують*, въ переводѣ на петербургскій языкъ, значить, что для чертей болото только — дача).... Ну, такъ такимъ-вотъ способомъ весь околотокъ началъ бояться этого *что-то*, и рыбалки порѣшили, во что бы то ни стало изгнать его изъ своихъ владѣній, чтобы оно рыбы не портило и не пугало бы жінокъ и дѣвчатъ, — изгнать, хоть бы ради этого нужно было *на-нять* молебень и отслужить надъ ополонкою водосвятіе, если только на это согласится отецъ Прохоръ. Пока рыбалки рѣдились и обдумывали средства, какъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, какой-то охотникъ, въ одно прекрасное до-разсвѣта, засѣлъ на *что-то*, выждалъ его и... застрѣлилъ!... Оказалось, *что-то* была невиданная теперь въ нашихъ мѣстахъ кунница. — Иля же рассказывается, напримѣръ, при такомъ возвращеніи рыбалокъ домой на Багату Кутю, — какъ надъ Дяби-

(1) Какъ гражданинъ *пекла* (ада), по понятіямъ народнымъ, чортъ необходимо долженъ не любить холоду. Впрочемъ, не сидитъ онъ зимою въ рѣкахъ и болотахъ еще и по другой причинѣ, — о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, когда будетъ идти рѣчь объ *Ордніи*.

ромъ, у Переяславлѣ, появился какой-то невиданный у насъ звѣрь: рогъ у него какъ на *перекотиполі* колѣнѣвъ, быстрый—лошади быстрѣе, зовется — олень; что когда кто-то погнался за этимъ звѣремъ, онъ птицей понесся, рѣки незамѣтилъ передъ собою и полетѣлъ по Днѣпру, какъ по *стені*... что на срединѣ Днѣпра онъ ослабилъ свой бѣгъ, и началъ *гру́знуть* въ воду... что олень только тогда замѣтилъ подъ собою воду, и хотѣлъ снова полетѣть, но поздно! что разъ начало погружаться въ воду, то погрузится непременно... что потонулъ бы олень, если бы не бросился къ нему на своей *душогубці* (легенькая лодка изъ липы), краса всѣхъ приднѣпровскихъ рыбалокъ окрестностей Переяславлѣ, преславный рыбалка Бова... что налетѣлъ Бова на оленя, схватилъ его рогатого за рога и такъ его на берегъ, а оттуда домой... что олень достался Бовѣ, а рога его принесены Бовою въ даръ какой-то церквѣ, чтобы, на концахъ и излучинахъ ихъ, люди могли много-много прилѣплять восковыхъ свѣчей Богу и поминать добрымъ словомъ память Бовы, когда дерзкая его отвага сложить наконецъ легкія его кости на вѣчно-волнующемся днѣ Днѣпровскомъ.

Вотъ дѣло близко уже къ разсвѣту; вотъ показался и свѣтъ въ окнахъ, сперва у *дѣда* Опанаса, потомъ у старой Мотрі, и затѣмъ и въ другихъ хатахъ. Вотъ и народъ началъ *ворушиться* по дворамъ и огородамъ: выпускаютъ изъ хлѣвовъ овецъ въ кошары и даютъ имъ болотняго или лугового сѣна, носятъ *гулящому* (нерабочему) скоту и гулящимъ лошадямъ *йшницю*, *пшенійшницю*, *просяницю*, *овсяницю* (ячменную или пшеничную и т. д. солому), подкладываютъ рабочимъ воламъ, дойнымъ коровамъ и *изжѣлимъ* лошадямъ сѣна степнаго, а послѣднихъ, пожалуй, и овсомъ кормятъ.

Но вотъ и разсвѣтать начало, и изъ мрака ночного начали выдвигаться мало-помалу, и тянущаяся предъ вами далеко-далеко вдоль гладкая зимняя дорога, и подобранныя къ ней, справа, отъ восхода солнца, хаты селенія Ріжківъ съ обѣвшими ихъ хлѣвами, коморами, кошарами и торчащими кое-гдѣ вытянувшимися къ небу колодезными журавлями... а слѣва — поворотившимися къ дорогѣ вѣтранными мельницами.... Вотъ и солнце взошло и позолотило верхушки колодезныхъ журавлей справа, и крылья вѣтряныхъ мельницъ слѣва: стоятъ себѣ, выставивши лбы и разметавъ позолоченныя крылья во все стороны, — словно какіе *шляхетно-урожа́бые* на Іордань, акрещенскій зефиръ, подѣлавши проробы на ихъ высокихъ чолахъ, разметалъ шановныя чуприны на право

и на лѣво, внизъ и на затылокъ. А за ними, за млинами этими, гладь и гладь бѣлая съ золотымъ отливомъ, снѣжная степь, съ темнѣющими кое-гдѣ скирдами и стогами сѣна, съ степными *грушкѣми* (грушевыми деревьями), съ степными хатками и *хлѣвчиками*, и съ вырѣзывающимися на горизонтѣ бѣлыми, блестящими на солнцѣ, могилами, сѣрыми гаями и какими-то движущимися черными точками, — обитателями степныхъ соседнихъ селеній и хуторовъ, поспѣвающими за чѣмъ-то въ селеніе Ріжки и другія соседнія селенія и хутора прирѣчные....

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ это такъ пустились наши степняки? Да и *Ріжківці* (жители селенія Ріжківъ) — что это они такъ засуетились, бѣгаютъ изъ хаты въ хату, а иные запрягли лошадей и тоже куда-то ѣдутъ? И не топится ни гдѣ!... Вчера въ эту пору надъ всѣми хатами стояли уже столбы дыма, а теперь хоть бы одна пыхнула изъ трубы, хоть бы для того, чтобы попробовать, куда вѣтеръ дуетъ и не будетъ ли на завтра оттепели!....

Да всё по той же причинѣ, что сегодня Багата Кутя.

Сегодня Багата Кутя, — такъ хозяйка-Украинка утромъ сегодня топить и варить ѣсть не будетъ. Все утро она провозится за разными мелочами обыденной сельской жизни, и приводя въ порядокъ то, что приготовлено прежде для праздника: она накормитъ свиней, птицу; она вымажетъ саломъ или жиромъ, а пожалуй и добрымъ дегтемъ, сапоги себѣ, мужу, семьѣ; можетъ быть, осталась невыкатанною какая рубѣха — выкатаетъ ее; если есть у нея *запѣканка*, она наполнитъ ею *пляшку*, чтобы была готова, а за неимѣніемъ *запѣканки*, наточитъ, изъ бочонка или *барѣльця*, или нальетъ изъ *тыкви*, просто *біленької*; она пришьетъ къ новому *очіпку* ленты, поможетъ дочкѣ нанизать новое монисто, она *насуше* посковыхъ свѣчей для сегодняшняго вечера и для завтрашняго утра и т. д. и т. д. Топить же и ѣсть варить она начнетъ только около полудня; потому что сегодня обѣдаютъ у насъ только вечеромъ, или, лучше сказать, сегодня у насъ не обѣдаютъ и не ужинаютъ, какъ обыкновенно обѣдаютъ и ужинаютъ, а только *іють* кутю и *стрічають* или *іють вечерю*, а въ обѣденную пору только немного закусываютъ, кому что Богъ послалъ, но большею частію — пироги съ капустою и жареную рыбу.

По той причинѣ, что сегодня Багата Кутя, снѣшать такъ въ Ріжки и въ другія селенія и хутора прирѣчные жители нашихъ селъ и хуторовъ степныхъ, и по той же причинѣ суетятся такъ, бѣгаютъ изъ хаты въ хату и тоже куда-то ѣдутъ и сами *Ріжківці*: всѣмъ нужна сегодня

свіжая сѣгодняшняя рыба, и все потому стараются достать ее, во что бы то ни стало. Степняки поэтому сѣшаты въ Ріжки; Ріжківці, не занимающіеся по какимъ-нибудь причинамъ рыболовствомъ, или же, хотя и занимающіеся имъ, но имѣвшіе сегодня неудачный уловъ, сѣшаты къ своимъ сосѣдямъ-рыбалкамъ или же и въ другія селенія. Для сегоднешняго дня мы даже вотъ-что придумали! Въ селеніяхъ, которыя по крупнѣе и порыболовнѣе, мы открыли у себя на Багату Кутю, помимо вѣдѣнія предержавшихъ становыхъ приставовъ и помимо вѣдѣнія всякаго рода статистическихъ таблицъ, базары для продажи и покупки сѣгодняшней: сбѣгутся со всехъ сторонъ на лѣгенькихъ *саночкахъ*, купятъ, продадутъ и разбѣгутся.... останется только въ двухъ-трехъ мѣстахъ на снѣгу немного сору отъ соломы, и нѣсколько конскихъ слѣдовъ! добывай тутъ становой приставъ изъ такихъ данныхъ статистическія свѣдѣнія, какъ знаешь! по неволѣ добрый человекъ напишетъ, что такихъ, во вѣренномъ ему станѣ, не оказалось.... А между тѣмъ, сегоднешней мы себя припасли!... а пожалуй, припасли и еще кой-чего, что намъ нужно и чѣмъ мы не успѣли запастись почему-либо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, напр. купили на грошъ ладану, на два круглого перцу, чтобы истолочь его и «иноді, знаєте, тѣе, въ чаркѣ.... живіть заболіть, абѣ-що!» а пожалуй, на три на четыре гроша, купили, по порученію любимой дочки, серьги-польки....

Закончу сказаніе свое о заготовленіи у насъ рыбы для Багатой куты замѣчаніемъ: что все мы запасаемся ею главнымъ образомъ въ день Багатой же Куты, и способомъ, о которомъ я сейчасъ разсказалъ. Только жители степныхъ селъ и хуторовъ, слишкомъ удаленныхъ отъ рѣкъ, а равно жители мѣстностей, страдающихъ *безрыбіемъ*, только тѣ запасаются ею заблаговременно, въ городахъ, и въ рыболовныхъ селахъ и т. п., и тутъ, конечно, часто случается, что на безрыбіи и ракъ становится рыбою.

Но вотъ мы рыбою уже запаслись — и домой!... «Ну жена», говоритъ хозяинъ дома, входя въ хату: «а я рыбы досталъ!» — «А щука есть?» — «Есть!» — «Ну слава тебѣ, Господи!» и жена съ радостію смотритъ на дѣтей, а дѣти, кто съ печки, кто съ *принічка* кто съ *пѣлу*, — побросали и очеретяныя трубы, и кота *рудѣю*, которому собирались было привязать къ хвосту *куницю* вмѣсто кисти, — и все *до-до-до* къ мѣшку съ рыбою: вынотрошили его, переворачиваютъ съ боку на бокъ зубастую щуку, тормозятъ красноглазого карася.... гвалтъ, крикъ, веселіе!... даже маленький Петрусь высунулся изъ висящей надъ по-

ломъ люльки и, вцѣпившись своими ручонками за *бильця*, хохочетъ и дергаетъ ее, будто собирается выскочить и себѣ туда, въ общую кучу, къ шукѣ и карасямъ, къ общей семейной радости....

Погрѣвшись въ хатѣ, *хозяинъ* уходитъ и возвращается къ семьѣ не прежде, какъ около полудня, да и то на самое короткое время, чтобы только немного закусить; потому что въ хатѣ сейчасъ поднимется на весь день такая возня около рыбы и разныхъ разностей, что и угла свободного не найдешь! Ну, да и ему самому нужно кое-чѣмъ заняться, тамъ, на дворѣ. Вонервыхъ, ему надобно напоить скотъ, овецъ и проч., и дать имъ утреннюю порцію корму; потомъ, надобно расчистить снѣгъ возлѣ хаты, коморъ, чтобы встрѣтить праздникъ поприличіе; далѣе надо осмотрѣть сани и упряжь, можетъ что надо починить, не пзрвалось бы что, не пзломалось бы во время праздниковъ, не насмѣшить бы людей; ну, и топлива жентѣ на праздники нужно припасѣти, чтобы всего тогда было вдоволь и все было подъ рукою: если дрова есть — дровъ наколотъ и сложить подъ коморею или въ *позівці* (навѣсъ), не то — очерету натаскать съ берега, соломы наносить и т. д. Словомъ, пока позовутъ закусить, довольно наберется разной работы!

Послѣ закуски *хозяинъ* идетъ къ какому-нибудь куму или свату, у котораго есть хата *черезъ сѣни*, — вообще, у котораго есть свободный уголь, — идетъ бриться (*голітьця*), — *голіть бороду и підіюлювать чуба*.... Туда же приходятъ еще человекъ пять-шесть, а иногда десять и пятнадцать, и вотъ начинается зрѣлище, повторяющееся всякій разъ, когда мои добрые земляки принимаются бриться.... зрѣлище грустное и вмѣстѣ исполненное того неподражаемаго юмора, который рѣдко, очень рѣдко, оставляетъ ихъ, и передать который было бы въ состояніи только такое мастерское перо, какъ перо покойника Гоголя.

Грустно видѣть, что изъ этихъ десяти-пятнадцати *хазянівъ*, имѣющихъ по парѣ, а можетъ быть и по двѣ пары воловъ, и собравшихся теперь *причинури́тьця*, ни у одного не имѣется зеркальца, въ которое можно было бы смотрѣться, подбравъ свой подбородокъ и свой чубъ.... и что замѣнять его имъ приходится *зеркальною поверхностію* чистой воды, налитой въ миску (вода вѣдь у насъ даровая, а на зеркальцо нужны деньги!...). Грустно видѣть, что у этихъ десяти-пятнадцати *хазянівъ* ни у одного нѣтъ бритвенныхъ снарядовъ, — мыльницъ, кистей, бритвъ, — а только у двухъ-трехъ по крошечному кусочку мыла величиною въ грецкій орѣхъ, да у двухъ-трехъ по *косі* — отрубку старой косы, наостренному и оправленному въ доморощенный черенокъ!... Гру-

стно и даже тяжело видѣть, какъ эти десять-пятнадцать хозяевъ, поочередно одинъ за другимъ, отдають въ распоряженіе свои лица, исполненные ума и сердечной теплоты, какому-нибудь мѣстному докѣ въ бритвенномъ дѣлѣ, и тотъ принимается теплою водою и орѣхообразными кусочками мыла ихъ намыливать и безжалостно тиранить варварскими *косарями*!... и тѣмъ болѣе грустно и тяжело, что какъ ни хорошо знаешь быть этихъ бѣдняковъ, и какъ ни осязательно чувствуется, если не разумность, то по крайней мѣрѣ печальная необходимость и связь всѣхъ явленій ихъ жизни, невольно иногда подумаешь, что изъ миллионовъ, вносимыхъ ими, куда слѣдуетъ, за винныя акцизныя статьи, право, кажется, они могли бы ежегодно отдѣлять извѣстную долю серебряныхъ рублей для покупки, на первый разъ, хоть пятибонѣчныхъ кистей и мыльницъ и тридцатиконѣчныхъ бритвъ.

Но какъ ни грустно смотрѣть на все это, какія бы мысли вамъ въ это время ни приходили, но если только у васъ осталась какая-нибудь возможность сходить съ вашей точки зрѣнія и придвигаться сердцемъ къ точкѣ зрѣнія этихъ добряковъ, и если при этомъ у васъ имѣется способность видѣть всю глубину внутренняго смѣха за этими серьезно-пропозносимыми соболѣзнованіями къ участи брѣмага, за этими, на половину притворными, болѣзненными его стопами, за этими восклицаніями его: *мотузкѣ, мотузкѣ* (спурка, свурка т. е. дайте)!... и т. п. восклицаніями, по-видимому не имѣющими никакого смысла, но тѣмъ не менѣе имъ веѣмъ понятными, и — вы будете хохотать, мой добрый читатель!

Остатокъ дня, послѣ бритья до вечера, употребляется моими земляками на разныя заботы о скотѣ, овцахъ и т. п.: но главнымъ образомъ, на приготовленіе для нихъ корма къ завтрашнему дню, чтобы завтра ни о чемъ уже не заботиться, а просто, взять только готовое, подложить и дѣлу конецъ!

Но оставимъ *жазінізъ*! воротимся лучше въ нашу дорогую хату, къ нашимъ дорогимъ хозяйкамъ, и посмотримъ, чтò тамъ у нихъ дѣлается! и чтобы не помѣшать имъ *мѣшити* пироги и возиться съ печкою, войдемъ къ нимъ тогда, когда со веѣмъ этимъ онѣ уже покончили и переносятъ кутю.... а еще лучше — послушаемъ, чтò рассказываетъ объ этомъ въ своей автобіографіи Василій Петровичъ Бѣлокопытенко.

«Надобно вамъ сказать,» говоритъ Василій Петровичъ, «что до сихъ поръ я не зналъ, въ чемъ собственно заключается *ста́вляння* кути на *покуття*: самъ я кути на *покуття* еще никогда не ставилъ, а какъ ста-

вили ее другіе мои братья, — никогда не былъ свидѣтелемъ, потому что въ то время, по крайней мѣрѣ въ нашемъ семействѣ, отъ присутствія при исполненіи этого обряда всѣ мужчины, за исключеніемъ конечно участвующаго въ немъ, были устранимы. Я зналъ только, что кутю ставятъ на покуття, — зналъ, что ставленіе это окружаютъ какого-то таинственностию, — слышалъ отъ сверстниковъ своихъ гордое и вмѣстѣ какое-то многозначительное: »что мы-де ставили уже кутю, а вы (т. е. я и другіе мнѣ подобные) еще нѣтъ!« видѣлъ, что допущеніемъ къ ставлянню кути на покуття дается дитяти какой-то патентъ на извѣстную возрастность, и вмѣстѣ на извѣстное право гражданства въ томъ очаровательномъ для насъ мірѣ разныхъ исполненныхъ поэзіи обычаевъ и вѣрованій, которыми такъ богата жизнь нашего народа, и которыя такими пахучими цвѣтами увиваютъ тяжелую ношу нашей жизни, сплетенной изъ волчцовъ и терній и горечи заботъ о хлѣбѣ насущномъ.... Все это я зналъ, слышалъ и видѣлъ; но болѣе — не зналъ, не видѣлъ и не слышалъ ничего! Дѣтскому моему сердцу и дѣтской моей фантазіи представлялось поэтому обширное поприще окружать актъ ставляння кути на покуття чудесами: — фантазія окружала его какимъ-то ореоломъ святости, какою-то таинственною многозначительностію, какимъ-то неувидимымъ въ формы величіемъ, а сердцу — какою-то трепетно-благоговѣйною теплотою чувства любви и стремленія къ неизвѣстному, таинственному, великому, святому....

— — — — —

— — »ну, такъ вотъ я вожусь съ Антономъ и другими мальчиками, моими сверстниками, у коморы, снаряжая *грэнджолата* (извѣстнаго устройства маленькіе сани) и *гримаки* (куски льда, извѣстнымъ образомъ приготовленные), чтобы было на чемъ спускаться съ горы во время праздниковъ. Но не успѣли мы кончить своихъ приготовленій, какъ на *рундуці* (крыльцѣ) показалась быстроглазая Васька и начала звать меня въ хату. Я, конечно, отвѣтилъ ей, что мнѣ некогда; но она повторила свое требованіе настоятельнѣе, намѣкая, что мнѣ дадутъ какой-то гостинецъ.... Я пошолъ....

»На порогѣ *пекáрни* встрѣтила меня мать... не узнать ея, такая въ ней перемѣна! На вѣчно-блѣдныхъ щекахъ — легкій румянецъ, въ вѣчно-грустномъ взглядѣ — счастье. А сколько нѣжности въ движеніи, съ которымъ она положила мнѣ на голову свои руки и наклонила ее назадъ, чтобы глядѣть мнѣ прямо въ лицо!... Пусть хоть разъ во всю свою жизнь встрѣтятъ столько нѣжности въ своихъ матеряхъ дѣти нашихъ дѣтей!

»— Ну, Васіюню, поста́вь намъ кутію на по́ткунта! говорить... и улыбулась....

»— Кутію на покуття?!.. и я вздрогнулъ отъ какого-то невѣдомаго мнѣ страха, и вмѣстѣ отъ счастья.

»Мать утвердительно кивнула головой и провела ладонями по моимъ щекамъ... потомъ поворотилась и пошла въ пекарню....

»Молча, съ сильно - бьющимся сердцемъ... быстро и съ трепетнымъ любопытствомъ оглядывая все во кругъ, вошелъ я робкими шагами въ святилище....

»Вечерній полусвѣтъ едва освѣщаетъ пекарню сквозь замерзнувшія окна; печка уже не топится... въ комнатѣ тихо, никакой работы и суеты, какъ-будто только-что совершился тутъ какой-то великій актъ, и все, счастливое благополучною его развязкою, переводитъ дыханіе, учащенное прежде мучительнымъ ожиданіемъ, и радостно улыбается предстоящему будущему... Дѣвчата и молодиці стоятъ вокругъ хаты у лавокъ, скрестивъ на груди руки... смотрятъ на меня и тихо улыбаются; у печки сидитъ на лавкѣ *куховарка* Оришка, тоже скрестивъ на груди руки... смотреть на меня и тихо и нѣсколько гордо улыбается мнѣ; возлѣ нея, на прищечку, какъ пара новорожденныхъ близнецовъ, — пара горшковъ, одинъ съ узваромъ, другой съ кутею... у покуття, какъ жрица у олтаря, стоитъ предметъ благоговѣйнаго уваженія всѣхъ отъ старого до малого, сѣдолодая баба Міниха, и бѣлою тряпкою вытираетъ покуття, и безъ того чистое—чистое....

»Я остановился по срединѣ пекарни, не зная, что мнѣ дѣлать, куда мнѣ направиться....

»— Сюда, сюда йди, Васильку!—вывела меня изъ недоумѣнія баба Міниха.

»Я подошелъ къ покуттю.

— Ну, перекрестись и ударь три поклоны!

»Я машинально исполнилъ приказаніе.

»— Теперѣ ходи́ть зо мною!.. и натянувъ сапоги и надѣвъ кожухъ, пошла изъ хаты.

»Я послѣдовалъ за нею.... Привела меня баба Міниха къ скирдѣ стешнаго сѣна и начала отыскивать такое въ ней мѣсто, гдѣ бы сѣно было почище, не имѣло въ себѣ никакихъ жесткихъ травъ, *бадилья*, и гдѣ бы нога человѣческая или какого животнаго никогда не прикасалась. Выбрала наконецъ она такое мѣсто, обдергала верхнее сѣно прочь и велѣла мнѣ *смыкать* изъ середины ... Я насмикалъ порядочную кучу.

» — Ну, возьми-жь и неси его за мною.

» Я забралъ сѣно и пошолъ за бабою Минихою.

» — Положи-жь его на покутті!« сказала она, когда мы снова очутились въ пекарнѣ.

» Я положилъ.

» — Розстели ёго гарнѣнько.

» Я разостлалъ.... Затѣмъ, баба Миниха заставила меня, собственноручно и безъ всякой посторонней помощи, перенести съ припечка на покутті горшки съ кутею и узваромъ, уставить ихъ тамъ хорошенько въ сѣно ⁽¹⁾, чтобы не опрокинулись, взять пару хлѣбовъ и накрыть ими эти горшки; потомъ пойти въ свѣтлицу, взять оттуда миску съ сотами и тоже уставить на покутті: баба Миниха только командовала мнѣ и въ сѣромъ полу-свѣтѣ тихо ходила предо мною, какъ какой-то таинственный церемоніймейстеръ въ какой-то таинственной церемоніи....

» Когда были уставлены и соты, баба Миниха велѣла мнѣ снова перекреститься и ударить три поклона, и когда я и это исполнилъ, велѣла мнѣ итти прочь, къ моимъ grenjoлятамъ и гримакамъ.... Сопровождаемый нѣжною улыбкою матери и тихими улыбками дѣвчатъ и молодежи, я пошолъ изъ хаты, съ поникшею головою, полною какихъ-то таинственныхъ образовъ, гдѣ въ сѣромъ полу-мракѣ все какія-то тихія и нѣжныя улыбки женщинъ.... И когда я сошолъ съ рундука и медленными шагами направился къ коморѣ, я нѣсколько разъ останавливался въ раздумьи и оглядывался назадъ, какъ-будто тамъ, въ пекарнѣ, я что-то забылъ, или чего-то не разглядѣлъ, или чего-то не разслышалъ....«

Вотъ-какъ у насъ, мой читатель, ставили когда-то и ставятъ еще и теперь кутю на покутті въ семействахъ, сохраняющихъ обычаи предковъ! Вамъ, можетъ быть, тутъ не понятно, почему кутю долженъ ставить непременно мальчикъ? Не берусь разъяснять вамъ этого, потому что хотѣлось бы мнѣ, чтобы разъясненіемъ такимъ, а равно и разъясненіемъ еще многого другого, остающагося у насъ неразъясненнымъ, занялся кто-нибудь болѣе свѣдущій меня въ объясненіи внутренняго смысла нашихъ вѣрованій, или по крайней мѣрѣ значенія обрядовой оболочки,

(1) Мальчикъ, неся кутю на покутті, долженъ при этомъ *квоктать*, какъ *квокчетъ кобчикъ*, пастѣдка, когда созываетъ своихъ дѣтей. Квоктать должны также и другіе мальчики, если они при этомъ случатся; но женщины и дѣвчата ни подъ какимъ видомъ не должны квоктать. Въ семействѣ Василія Петровича, обычай квоктать, какъ видно, не соблюдался, или Василій Петровичъ объ этомъ забылъ.

въ которой они проявляются. Я только скажу съ своей стороны, что обычай этотъ, — ставить кутю на покуття руками неженатого мужчины, и именно — невозрастнаго дитяти, у насъ повсемѣстный.

Время послѣ ставляння куті на покуття, пока совершенно стемнѣетъ, употребляется хозяйками на окончательное приготовленіе печки къ завтрашнему дню (т. е. на бѣленіе мѣломъ или бѣлою глиною наружной ея стороны, закоптившейся отъ топки послѣ предварительнаго бѣленія, а равно и на бѣленіе припечковъ, на мазаніе *рудобю* глиною челюстей и *зипічківъ*), на снаряженіе стола къ предстоящей трапезѣ, а также и для того, чтобы покупать и вымыть дѣтей, если только эти послѣднія должны къ кому-нибудь нести или везти *вечерю*.

Но послушаемъ снова Василя Петровича, его разказа о томъ, какъ садятся у насъ за *вечерю* на Багату Кутю, или какъ у насъ *встрѣчаютъ кутю*.

»...Какъ живо выдвигается въ моей памяти эта картина моего дѣтства!... и этотъ полумракъ-полусвѣтъ, и эта невыразимая прелесть какого-то таинственнаго смѣшенія всего во едино: чада вмѣстѣ съ домочадцами; праздничная чистота хаты и всего ея убранства—а люди свои, домашніе, въ одеждѣ домашней, будничней; торжественное выраженіе лицъ и движеній—и повидимому обыденная жизнь, ужинъ, столъ съ пищею и ложками; курящій ладанъ—и семейный очагъ; глава семьи—и вмѣстѣ какой-то жрецъ; хата—и вмѣстѣ храмъ; семья—и вмѣстѣ общество вѣрующихъ....

»Въ пекарнѣ два длинныхъ стола, одинъ у покуття, другой въ сторонѣ, уставленные приборами ⁽¹⁾, съ горами пироговъ въ мискахъ и кучею рюмокъ и графинчиковъ съ настойками... надъ столомъ у покуття вколоченъ въ стѣну гвоздь, и къ гвоздю прилѣплена зажженная восковая свѣчка—больше свѣту въ хатѣ нѣтъ... предъ этимъ столомъ, противъ свѣчки и окруженный дымомъ ладану, стоитъ, будто въ сіяніи и на облакѣ, сѣдой какъ лунъ старикъ, мой отецъ, въ бѣлой рубахѣ и въ бѣлыхъ въ сапоги шароварахъ... въ лѣвой рукѣ у него курильница, онъ поднималъ ее вверхъ и тихо поводитъ ею, и кадитъ ладаномъ... позади отца мы все, кучею: домочадцы, наймити и наймички, душъ двѣнадцать, и вся семья—мать, сыновей четверо, пять дочерей, двое зятьевъ и душъ семь внуковъ и внучекъ отца....

(1) Во время Багатої Куті болѣе чѣмъ когда-либо соблюдается у насъ обычай ставить лишній приборъ для нежданнаго гостя.

»Стали всѣ, стихли....

»Старикъ поднялъ правую руку, перекрестился и тихимъ, торжественнымъ голосомъ началъ: »Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!... Богородице діво, радуйся, благодатная Маріє!»

»За отцомъ крестились и мы, и мысленно произносили за нимъ слова молитвы....

»Послѣ «Богородице» старикъ прочиталъ «Отче нашъ», и когда закончилъ словомъ »отъ лукаваго, ⁽¹⁾ перекрестился снова, отдалъ курильницу матери и молча сѣлъ за столъ передъ покуттямъ. Мы тоже всѣ перекрестились и молча сѣли за столы, семья у покуття, домочадцы — у другого стола.

»Снова глубокое, торжественное молчаніе воцарилось въ хатѣ....

»Отець взявъ графинчикъ съ любимою своею настойкою, налилъ большую рюмку, перекрестился, взявъ рюмку въ правую руку, поднялъ ее вверхъ и тихо произнесъ — »Нехай же легенько згадаєтця сїнові моєму Іванові, де вінъ здоровъ повертаєтця!...« и слезы брызнули изъ его старыхъ очей.... За старикомъ заплакало все, что было въ хатѣ, за обоими столами, отъ моей доброй матери, до сѣдоусаго и твердаго какъ загартованная сталь, старого *dida* Мины....

»А отецъ сквозь слезы продолжалъ: — »Нехай легенько згадаєтця й дочці мої Галі, де вона здоровенька повертаєтця! «Мать, сестры и всѣ женщины за обоими столами повзрыдъ заплакали.... — »Нехай легенько згадаєтця й моему наймитові Петрові, де вінъ здоровъ повертаєтця!«... и старикъ поставилъ рюмку на столъ и закрылъ лицо обѣими руками.... а сирота Федора, сестра наймита Петра, зарыдала и выбѣжала изъ пекарни въ прихожую....«

Вы, можетъ быть, думаете, мой читатель, что представленная здѣсь Василиемъ Петровичемъ картина всеобщаго плача семьи и домочадцовъ, при воспоминаніи объ отсутствующихъ за первую чаркою, есть какое-нибудь явленіе случайное, или что для большаго эффекта Василій Петровичъ употребилъ тутъ краски слишкомъ яркія... Нѣтъ, нисколько: тутъ все вѣрно съ дѣйствительностію до самой малѣйшей черты, и все это наша общая и постоянная принадлежность. Все, что онъ тутъ сказалъ, вы и теперь можете встрѣтить во всѣхъ нашихъ семействахъ, держащихся предковскихъ обычаевъ, и всякая такая семья, за первую чаркою на Ба-

(1) Обращаю вниманіе читателя, что молитва здѣсь читается не до конца, а только до слова *отъ лукаваго*.

гату кутю, непременно прольетъ слезы въ память тѣхъ членовъ своихъ, которые живы и которые почему-либо не могли насладиться счастьемъ встрѣтить кутю у себя, въ семьѣ, за общимъ семейнымъ столомъ. Украинцы, особенно женщины, любятъ всегда вспоминать за чаркою отсутствующихъ членовъ семьи, но плакать при этомъ — не плачутъ, а если и плачутъ, то или въ слѣдствіе какихъ-либо особенныхъ случайностей, или потому, что ужъ, какъ у насъ говорится, они *підъ чарочкою*; но на Багату Кутю плачутъ они непременно, и всѣ, и просто только потому, что отсутствующіе — въ отсутствіи, а не у себя, не съ ними. По понятію Украинцевъ, большое для человѣка несчастье жить вдали отъ семьи, большое несчастье не быть или не поспѣть во-время на такую семейную радость, какъ, напр., женитьба брата или выходъ замужъ сестры; но самое большое, по ихъ понятію, несчастье — не быть или не поспѣть во-время на Багату Кутю; и въ слѣдствіе такого отсутствія, на Багату Кутю заплачетъ вся ваша семья, заплачутъ домочадцы, заплачетъ и вашъ сѣдоволосый отецъ, хоть будь у него не одинъ, а десять желѣзныхъ характеровъ.... И не обрядъ только онъ будетъ исполнять, обливая слезами свое старческое лицо, — нѣтъ! Онъ плачетъ потому, что онъ уязвленъ въ самое чувствительное мѣсто своего сердца: у него, по преимуществу семьянина, въ праздникъ *семьи*, отнять одинъ членъ семьи....

Считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько объяснительныхъ словъ къ выписанному мною отрывку изъ автобіографіи Василя Петровича.

Вопервыхъ, членами семьи, съ точки зрѣнія Багatoi Кути, считаются у насъ всѣ тѣ, которые, если не живутъ въ одной хатѣ, по крайней мѣрѣ работаютъ на одно хозяйство и живутъ изъ одного хозяйства, а слѣдовательно: глава семьи, мать, всѣ неженатые сыновья и незамужнія дочери, не отдѣленные женатые сыновья съ семействами, зятя, живущіе въ *пріймахъ*, съ семействами, и наконецъ домочадцы, конечно тамъ, гдѣ они не слуги и рабы, а дѣйствительно *домочадцы*, *члѣды*. Къ этимъ членамъ семьи, хотя и не въ такой уже степени, причисляются, во время Багatoi Кути и замужнія дочери съ своими мужьями, если у нихъ нѣтъ еще дѣтей, — вообще, если у нихъ нѣтъ своей семьи, — и отдѣленные женатые сыновья, находящіеся въ такихъ же условіяхъ, какъ и замужнія дочери: они тоже должны бы быть на Багату Кутю за общимъ семейнымъ столомъ. Имѣющіе же свои семейства сыновья и дочери — хорошо если бы были, а нельзя имъ — они по крайней

мѣръ должны послать своихъ дѣтей сегодня, или послѣ, съ вечерю, къ дѣду и бабѣ, и къ болѣе чтимымъ дядямъ и теткамъ.

Потомъ, я еще долженъ сказать, что на отдѣленіе у Василя Петровича домочадцевъ за особый столъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на отдѣленіе господъ отъ лакеевъ и горничныхъ, и хозяевъ отъ прислуги, — вѣтъ! Если бы у Василя Петровича смотрѣли такъ на домочадцевъ въ день Багатої Кути, то вѣрно бы не сѣли встрѣчать ее въ пекарнѣ, а помѣстились бы въ свѣтлицѣ, что ли, какъ и дѣлають иные между мопми земляками: но тутъ на нихъ смотрѣли такъ, какъ смотритъ, во время Багатої Кути, на своихъ домочадцевъ и вся масса украинскаго населенія, т. е. какъ на членовъ же семьи, и ихъ не посадили за общій столъ только потому, что тамъ негдѣ было имъ помѣститься, и отдѣлили ихъ за особый столъ, какъ отдѣляютъ у насъ иногда за особый столъ молодежь или дѣтей, когда количество обѣдающихъ слишкомъ уже велико. Изъ разсказа Василя Петровича видно, что отецъ его былъ то, что называется *старосвѣтскій чоловікъ*, а старосвѣтскій человѣкъ почелъ бы съ своей стороны большою не деликатностію, даже дѣломъ богопротивнымъ — не посадить на Багату Кутю своихъ домочадцевъ за одинъ съ собою столъ.

Наконецъ скажу еще, что если у семьи выберется такая счастливая Кута, что всѣ члены ея на лицо, слезъ вы тутъ не увидите, и предъ первою чаркою глава семьи только говоритъ: «Царство жъ небѣсне нашимъ батькамъ и матерямъ» (или «нашимъ родителямъ»). Нашимъ — т. е. его самого и его жены), нашему Ивасеві» и т. д.

Но будемъ слѣдить далѣе за ходомъ Багатої Кути!

Отдавши должную дань сожалѣнія объ отсутствующихъ, хозяинъ дома отираетъ себѣ слезы.... Но онъ долженъ стереть ихъ и другимъ, потому что онъ глава семьи; — и вотъ онъ съ сердитымъ и удивленнымъ видомъ (какъ будто онъ) въ хатѣ и не былъ и не плакалъ, а такъ себѣ, только что вошелъ, и видитъ, что всѣ плачуть — восклицаетъ: — «Э-ге-ге!.. та оцѣ ви бачу плачете?!.. А та дурна якъ розрѣмалась!.. Годи жъ ужѣ, кажѣ, годи!.. Иди сюди, Федорко!...», и семья вся еквозъ слезы улыбается, а Федорко входитъ въ пекарню, отирая очи рукавомъ, и садится за столъ. — «Ну, продолжаетъ хозяинъ дома, когда всѣ стихли: — нехай же легенько згадається всімъ!.. помершимъ царство небесне, а намъ всімъ на здоров'я!..» выпиваетъ чарку и дѣлаетъ извѣстное возліаніе, быстро брызгая изъ нея черезъ голову остатокъ водки въ потолокъ, сопровождаая иногда еще словами: «Щобъ вибрикували!» За главою семьи пьетъ вод-

ку хозяйка дома, за хозяйкою дома — старший сынъ и т. д. по старшинству семейной ієрархіи, до послѣдней наймычки, до самого малаго ребенка: хоть понемножку, но пейте все — *такъ годітьця* ⁽¹⁾.

Обратимся теперь къ яствамъ...

Прежде всего подаются на столъ пироги. Главную роль играютъ тутъ пироги печеные и именно пироги съ макомъ, помазанные сверху медовою патокою, а у людей недостаточныхъ — пироги съ варенымъ и растертымъ горохомъ, или съ вареною и растертою *касаблею*, помазанные сверху *смаженими* съ лукомъ, коноплянымъ, или льнянымъ, масломъ. Второе мѣсто занимаютъ пироги, жареные на сковородѣ въ постномъ маслѣ, съ поджареною *шаткочаною* капустою, съ варенымъ и растертымъ картофелемъ, а у людей, которые подостаточнѣе и которые начали уже знакомиться съ разными кухонными усовершенствованіями, — и съ гречневою крупю, перемѣшанною съ визагою. — Пирогами закусываютъ водку и, кому нравится, съ пирогами же ѣдятъ и слѣдующія блюда.

За пирогами слѣдуетъ приготовленный на постномъ маслѣ, съ рыбою, борщъ. Борщъ для Багатої Куті приготовляютъ у насъ различный; но большею частію въ это время является у насъ на столѣ любимый нами жидкій, въ который входятъ: квасъ изъ квашенныхъ *бурчиківъ* (свеклы), одна-двѣ луковицы луку, нѣсколько зеренъ нетертаго круглаго перцу, конечно — соль, и неподжаренные свѣжіе караси, пожалуй съ прибавкою нѣсколькихъ линовъ.

За борщемъ слѣдуютъ наши *товченіки*, уха изъ щуки, приготовляемая на постномъ маслѣ. Щука въ товченикахъ является и въ естественномъ своемъ видѣ, особенно головка ея и хвостъ; но главнымъ образомъ является она въ клѣцкахъ, приготовленныхъ изъ щучьяго мяса и муки, или крошекъ бѣлаго хлѣба, и обернутыхъ въ щучью кожу. Сюда входятъ также лукъ и перецъ, какъ и въ описанномъ выше борщѣ. — Товченики, составляя одно изъ лакомѣйшихъ блюдъ украинской кухни ⁽²⁾, въ то же время составляетъ необходимую принадлежность *вечѣрі* на Багату Кутю, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины, такъ-что нѣтъ товчени-

(1) Если ребенокъ такъ малъ, что ему нельзя давать водки, ему по крайней мѣрѣ намочать ею немного темя.

(2) Въ сѣверныхъ губерніяхъ товченики вкусно приготовлены быть не могутъ, потому что мясо сѣверной щуки жестко и безвкусно.

ковъ — кутя выходитъ *йрѣва*. По этой-то причинѣ у меня выше украинская семья и радуется такъ шукѣ.

Послѣ товчениковъ подаютъ жареную на постномъ маслѣ рыбу, — главнымъ образомъ шуку и карася.

Тамъ является на столъ героиня вечера, *кутя*: круто сваренная, изъ описанныхъ мною въ первомъ письмѣ сортовъ крупы, каша.... Хозяйка дома беретъ тутъ же, съ покуття, миску съ сотами, требуетъ себѣ холодной воды и чистую миску, кладетъ въ послѣднюю сотовъ, вливаетъ воды, раздавливаетъ въ ней ложкою соты и приготавливаетъ такия образомъ *ситю*. За тѣмъ, выбравши изъ ситы ложкою всю вощину, накладываетъ въ нее кути.... Кути обыкновенно ѣдятъ мои земляки и землячки немного; впрочемъ, всего случается!... Народу это не понравилось, и онъ опозорилъ подобныхъ обжоръ анекдотомъ, который онъ часто рассказываетъ, и въ которомъ обѣвшійся глава семьи, метаясь на *полѣ*, взываетъ къ женѣ и къ дѣтямъ: »Жінко моя, діти мої, кутя менѣ зъ свѣта жене!» Есть еще и другіе анекдоты на ту же тему, но отъ народа вы ихъ не услышите; онъ ихъ отвергъ, потому что въ анекдотахъ этихъ онъ не нашелъ ничего, что хоть сколько-нибудь и какъ-нибудь было бы на него похоже, а нашелъ представленными такіа послѣдствія обжорства кутею, какия онъ за собою не чувствуетъ. Анекдоты, поэтому, остались только средствомъ для улаженія бесѣдъ пановъ и семинаристовъ, т. е. сохраняются въ памяти только той среды, въ которой они получили свое начало.

За кутею слѣдуетъ послѣднее блюдо, *узваръ* — отваръ изъ сушеныхъ фруктовъ, о которыхъ я тоже говорилъ въ первомъ письмѣ. Его наливаетъ въ миску тоже сама хозяйка, и ѣдятъ его тоже понемногу.

Во время вечера водки пьютъ мало: рюмку, а много-много двѣ-три, да и то только старшіе мужчины; больше никто не пьетъ никогда и ни въ какомъ случаѣ: не *годѣтця*, не *звичайно*, *гріхъ*! Тѣмъ не менѣе, хоть за вечерею этою пьютъ водки и мало и хоть начинается она обыкновенно слезами, весело тутъ бываетъ очень-очень!... такъ весело, какъ ни въ одинъ праздникъ въ году!... Тутъ забывается весь міръ съ его суетою, всѣ печали и горести, всѣ и все.... и все, что тутъ есть, отдается прелести настоящаго, празднику, во имя семьи и благъ семейнаго счастья.... Тутъ нѣтъ хохоту, нѣтъ шумныхъ выраженій радости, часто снимающихъ съ празднованій оболочку граціи и часто отнимающихъ у нихъ прелесть задумчивости: тутъ только тихій смѣхъ, тихія улыбки, тихіе взгляды.... Но въ этомъ тихомъ смѣхѣ, въ этихъ тихихъ улыбкахъ

и взглядахъ, столько истинной веселости или, лучше сказать, столько истиннаго, по истинѣ—счастливаго счастья, столько теплоты и сердечности, что заброшенный на чужую сторону,—только вспомнить—улыбнется, а пожалуй еще и слезу выронить.... Старикъ — глава семьи — оставляетъ тутъ свою обычную суровость и спускается до женскихъ или дѣтскихъ понятій и интересовъ: онъ говорливъ, шутивъ.... женщины и дѣти сѣшаютъ къ нему съ роємъ своихъ поэтическихъ грезъ и замысловъ. Тутъ и обычай, чтобы отецъ дарилъ тому, кто изъ дѣтей чихнетъ за вечерюю — корову, теленка, ягнѣнка.... и хитрости дѣтскія — нюхать перецъ, чтобы чихать.... Отецъ понялъ дѣтскую хитрость и, вмѣсто ожидаемаго ягненка, даритъ рудого кота Брунку, или рябую кошку Машку.... О, если бы мнѣ еще хоть разъ въ жизни прожить такую вечерю!... Народъ нашъ созналъ хорошо, что такое для него Кута, и сознание свое выразилъ въ любимомъ своемъ тонѣ, въ тонѣ, что называется «на догадъ буряківъ, щобъ дали канусти» и «знай догадайсь!», — выразилъ насмѣшкою надъ цыганомъ, который рассуждаетъ, что хороша, дескать, вещь Великдень и Різдво: сегодня кормятъ хорошо и завтра недурно; но нѣтъ въ мірѣ ничего лучше Багатої Куті — сегодня хорошо, а завтра еще лучше!... «А что ужъ заговѣнье,» заключаетъ цыганъ: «то хоть бы его и никогда не было: сегодня ѣжь хоть тресни, а завтра — *зъ хріномъ борцъ, зъ хріномъ борцъ!*» (¹)

Послѣ вечера тотчасъ и отправляютъ дѣтей съ *вечерюю* къ дѣду, бабкѣ, къ любимымъ и уважаемымъ дядямъ, теткамъ. Какъ ихъ снаряжаютъ и какъ отправляютъ,—предоставляю объ этомъ рассказать послѣ, болѣе опытному рассказчику, Василию Петровичу; а я буду продолжать свое, замѣтивъ напередъ, что если лица, къ коимъ слѣдуетъ везти кутю, живутъ далеко, то съ кутею къ нимъ отправляютъ и на первый и на второй день праздника,—что кутю привозятъ такъ и замужнія дочери и женатые сыновья, пріѣзжаютъ ли они къ *вечері*, или послѣ, во время праздниковъ—и что привезшихъ кутю не угощаютъ, а дарятъ деньгами, по крайней мѣрѣ малолѣтнихъ.

(¹) Въ первый день поста, какъ извѣстно, звонятъ въ маленькіе колокола. На Украинѣ, такіе колокола приводятся въ движеніе обыкновенно посредствомъ извѣстнаго рычага, *коромисла*, и издають мѣрные звуки въ три темпа. Въ этомъ трехтемпномъ звукѣ постоваго звона моимъ землякамъ слышались слова *зъ хріномъ борцъ*, составляющія три слога и указывающія, какою пищею слѣдуетъ питаться, во время первой недѣли поста, благочестивымъ христіанамъ.

Выпроводивъ съ вечерю дѣтей, хозяйка тѣмъ изъ нихъ, которые остались дома (что впрочемъ бываетъ только въ случаѣ ихъ болѣзни), вымоетъ всѣмъ головы и ноги, дастъ имъ чистое бѣлье и тотчасъ уложитъ всѣхъ спать. Въ это же время моютъ себѣ головы и ноги и все мужское населеніе семьи. Очистившись такимъ образомъ и надѣвъ чистое бѣлье, *тотчасъ ложатся спать все безъ исключенія*, и никто изъ нихъ, равно какъ никто изъ женщинъ, послѣ вечера на Багату Кутю, не пойдетъ ни куда ни подъ какимъ видомъ, на *досвітки*, на *улицю*, на какое-нибудь бражничанье, погулянки, въ гости и т. п.; потому что это было бы такимъ нарушеніемъ всякаго приличія, такимъ безстыдствомъ, такимъ неуваженіемъ къ добрымъ нравамъ, къ законамъ Божескимъ и къ сросшими съ нашею плотью и кровію обычаямъ, что окаяннаго вытолкали бы изъ хаты, и онъ бы сдѣлался предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ и презрѣнія.

Когда всѣ мужчины и дѣти улеглись спать, женщины проворно приносятъ изъ погреба и изъ *хлижъ* и коморъ все, что имъ нужно для завтрашняго стола и убранства, перебиваютъ посуду, мажутъ *дѣла* рудую глиною снова, моютъ себѣ головы и ноги, надѣваютъ чистое бѣлье, убираютъ все изъ хаты прочь, что только есть въ ней грязнаго, и — кто ложится спать, а кто ждетъ возвращенія дѣтей, повезшихъ или понесшихъ вечерю. Воротились дѣти, — поджидавшая уложить и ихъ спать, подмететъ на ночь вѣникомъ еще разъ полъ. . . потому что мы вѣруемъ, что предъ каждымъ воскресеньемъ и предъ каждымъ праздникомъ по нашимъ хатамъ ходитъ ангелъ, и мы боимся, чтобы онъ не задѣлъ своею святою пошкою за какую-нибудь соломинку и не огорчился бы этимъ онъ, святой небожитель. . . . Послѣ этого, поджидавшая дѣтей и сама ложится спать, зажегши напередъ дѣлаю свѣчу или подложивъ побольше масла или сала въ каганецъ, потому что мы вѣруемъ, что въ этотъ вечеръ огонь долженъ горѣть въ нашихъ хатахъ всю ночь, отъ зари до зари. . . И онъ дѣйствительно горитъ у насъ во всѣхъ хатахъ отъ зари до зари, и незнающій насъ и нашихъ обычаевъ и вѣрованій, если бы ему случилось проѣзжать чрезъ село наше или нашъ хутовъ *въ ночь предъ Рождествомъ*, могъ бы подумать, что мы пьянствуемъ въ это время или что непотребное дѣлаемъ, или что всѣ наши хаты, »Духъ Святій при нихъ и при нашихъ осѣляхъ!« населены вѣдьмами, да колдунами, и тамъ врагъ добрыхъ людей, чортъ, строить съ ними какія бѣсовскія проказы. . .

Вотъ, мой читатель, какова у насъ Багата Кутя, съ той минуты, какъ откроетъ ее на Ріжкѣвскихъ болотахъ, съ своею лопатою и плеш-

нею семидесятилітній рыбалка, Каленчикъ, по отечеству Даниловичъ, по прозванію Переграй, до того момента, какъ закончить ее, высыпавъ въ каганецъ масла или сала поджидавшая дѣтей, возившихъ вечерю, хозяйка нашей хаты, или хозяйкина невѣстка! Иной кути, быть можетъ гдѣ-нибудь, въ какой-нибудь повѣсти, кѣмъ-нибудь описанной, вѣрѣте, у насъ нѣтъ! Можетъ, я нескладно спѣлъ, но сказалъ правду, — не вкусно, можетъ, спекъ, но горячо!...

И скажу еще вамъ, мой читатель, что какъ бы вы ни объясняли формацию нашей Багатої Кути, какіе элементы вы ни желали бы видѣть въ ея основаніи, до полного уразумѣнія ея внутренняго смысла, мнѣ кажется, вы никакъ не дойдете, если не допустите въ ней присутствія, и притомъ въ сильной степени, какого-то изъ сердца идущаго чествованія *своему ближнему, родному*. Я говорю это потому, что своимъ, *роднымъ*, какъ-то особенно сильно дышетъ у насъ этотъ день и вся его обстановка, начиная отъ выбора сортовъ рыбы и отъ пироговъ съ макомъ и медомъ, до слезъ за первую чаркою и развозки *кути* по *роднымъ, близкимъ*!... Какія именно стороны нашего прошлаго были мотивомъ для такого чествованія, — не берусь разсуждать; «хто ёго знає! про те пісьмєнні люди знають — їх розпитайте!»

Въ заключеніе послушаємъ, что Василій Петровичъ разсказываетъ о сборахъ въ поѣздкѣ съ вечерю и о самомъ выѣздѣ. Предупреждаю только, что въ достаточныхъ семействахъ, кромѣ кути и узвару, дѣйствительно посылають и еще разныя разности, какъ говоритъ и Василій Петровичъ; но въ семействахъ недостаточныхъ или очень далеко живущихъ отъ дѣда, бабки, отца, матери и т. д., ограничиваются, первые, — только узваромъ и кутею, а вторые — одною кутею.

«...Вотъ,» говоритъ Василій Петровичъ, «мать моя уже хлопочетъ около вечера! Горшечки, баночки, *макітерки*, тарелки, — съ кутею, узваромъ и разными разностями — уставлены въ безмѣрной величины бѣлую миску, въ которой обыкновенно святятъ паску... Вотъ миска эта завязана въ безмѣрной величины скатерти снѣжной бѣлизны; терпѣливо поджидаетъ насъ и обливается испареніями отъ варѣнаго, какъ облива-ется потомъ красавица-невѣстка, въ бѣломъ съ усами новенькомъ нагольномъ тулупѣ, уже собравшаяся въ Рождество ѣхать къ матери, но еще поджидающая своего мѣшкотнаго сибарита-мужа.

«Вотъ на насъ, дѣтяхъ, уже *біленькі сорочки*, а тамъ и остальное убранство; по обычаю, мать убрала насъ всѣхъ лентами... На насъ верхняя теплая одежда; на мнѣ шубка на бѣломъ кроличьемъ мѣху, пред-

метъ зависти моихъ сестеръ и разныхъ ихъ женскихъ ухищреній!...

»Вотъ уже и нянька моя собралась — смотрѣть за дѣтьми въ дорогѣ; и сѣдоволосая баба Миниха явилась, съ своимъ ангельски-добрымъ лицомъ, смотрѣть за *вечерею* во время пути, представить такой же сѣдоволосой, какъ и она сама, бабушкѣ нашей ея внуковъ, поздравленіе ихъ съ святъ-вѣчеромъ и самую вечерю; по мнѣнію всѣхъ только одна Миниха могла занять мѣсто моей матери въ такомъ торжественномъ слѣдѣ!

»Вотъ, лучшія сани, устланныя лучшими коврами изъ материныхъ сундуковъ и запряженные непременно лучшими жеребцами изъ отцовской конюшни, свиснули мимо оконъ и со скрипомъ остановились у крыльца, — а на козлахъ, между двухъ кониковъ, сидитъ самъ дѣдъ Мина, никогда обыкновенно не исполняющій обязанностей возницы, но на этотъ разъ взявшійся за прочно-сдѣланные возки, какъ болѣе достойный править такими крутошеими жеребцами и какъ болѣе сообщающій торжественности такому торжественному событію, какъ поѣздка къ бабушкѣ съ вечерю!...

»Вотъ дѣвчата понесли на крыльцо кучу нагольныхъ тулуповъ и великана-миску съ вечерю, а за ними и мы на крыльцо!... Огромный тулупъ растянулся поперегъ саней въ ногахъ; мы, дѣти, закутаны всѣ, каждое въ отдѣльный тулупъ, какъ пряники въ кульки, и усажены въ сани, а тотъ тулупъ, распустивъ свои рукава и полы, охватилъ насъ въ свои теплыя мохнатыя объятія... Нянька помѣстилась возлѣ насъ съ одной стороны, баба Миниха съ другой!...

»—Зѣ Богомъ! — говоритъ мать и осѣняетъ крестомъ весь нашъ поѣздъ.

»Дѣдъ Мина тряхнулъ возжами, Павло, державшій лошадей подъ уздцы, отскочилъ въ сторону, и сани скрикнули и понеслись стрѣлою, свистя полозьями и изрѣдка подпрыгивая на попадавшихъ кочкахъ.

»Вотъ мы уже за дворомъ, вотъ несемся вдоль хутора, поворотили на *езвѣзъ*, уже мы на рѣкѣ... Поворачиваемъ головки: — на горѣ, на крыльцѣ, видѣются всѣ насъ провожавшіе: вотъ и Павло, вѣроятно любителю лоснящемуся на лунномъ свѣтѣ шерстью вычищенныхъ имъ жеребцовъ; вотъ *мірѡшникъ* стоитъ, конечно разсуждая, что кониковъ-то пристроилъ онъ къ санямъ надежныхъ; и Васька-*киліминича* должно быть скрестила руки на груди, ради теплоты, и жмурится быстроокая, не разглядитъ ли яркихъ цвѣтовъ на коврахъ; а вотъ и добрая моя мать!... и безъ-сомнѣнія, думаетъ она не о крутошенхъ жеребцахъ, и не о надежныхъ коникахъ, и не о яркихъ цвѣтахъ на коврѣ!...

М. НОМИСТЪ.